

ЕВА МАРШАЛ

БОСС

под Новый год

Ева Маршал

Босс под Новый Год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094638

SelfPub; 2024

Аннотация

Я – холодная, исполнительная и безупречная. Идеальный работник. Но все меняется, когда под Новый Год меня отправляют в срочную командировку. Одно короткое, но незабываемое знакомство. Непристойные слова. Горячие объятия. И всё. Моя жизнь не будет прежней. Да и не было у меня той жизни, ведь была только работа и ничего, кроме нее. Значит, нужно ее поменять. Кто же думал, что моим новым боссом станет тот единственный мужчина в мире, которому я боюсь заглянуть в глаза?

Содержание

Глава 1. О семейных трудностях и пикантном знакомстве	4
Глава 2. О том, что иногда не нужны слова	12
Глава 3. О спонтанных решениях и их последствиях	18
Глава 4. О рабочих буднях и не только	26
Глава 5. О простых радостях и пороках	40
Глава 6. О женской хитрости	54
Глава 7. О неожиданных встречах	72
Глава 8. О домашнем уюте	86
Глава 9. А что, если?	103
Глава 10. О мурашках и сладостях	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ева Маршал

Босс под Новый Год

Глава 1. О семейных трудностях и пикантном знакомстве

– Алина!

– Нет, мама. Если тетя Катя хочет в столицу на Новый год, пусть бронирует отель. У меня они жить не будут!

– Что подумают люди? Они – наша семья! Дочь! – В голосе мамы настоящая трагедия.

А все почему?

Потому что она уже всем пообещала, что я сделаю так, как хочет моя капризная тетушка, наплевав на собственные планы.

– Мамуль, вот ты хочешь ко мне в гости, приезжай хоть на месяц, можешь даже своих подружек прихватить, я куплю вам ящик шампанского и килограмм икры, будете радовать меня чудесным настроением. Если дядя Антон со всей своей семьей заявится без предупреждения...

– Он так не сделает, – возмущается мама.

– Не сделает, разумеется. Потому что он хороший, адекватный человек. Но даже если бы сделал, я бы всей их семье

была рада. Но тетя Катя... Извини, мама, но я все детство терпела твою избалованную младшую сестру. Месяцами ночевала на полу, ела неудавшиеся блины и краюшки пирогов и молчала, когда она со своими дочурками залезала во все потайные места, даже в нижнее белье, и изводила мою косметикую! А ведь они приезжали типа на три дня!

Три дня, превращающиеся в три месяца ада для всей семьи. И еще несколько месяцев долгов сверху, ведь маме для младшей сестренки ничего не жалко, а та даже хлеба не купит в дом никогда. Нахлебница бесстыжая.

– Алиночка...

– Нет, мама. Ты этот беспредел в своем доме терпела. Я молчала. Но в моем доме есть только одна хозяйка. И это я. Если я сказала, что тетя Катя не переступит порог моей квартиры, значит, так оно и будет.

– Но что же я теперь ей скажу? Она и билеты уже купила, – растерянно шепчет мама. – На всю семью.

– Скажи, что твоя взбалмошная дочь влюбилась и ушуршала на праздники в Египет, – хмыкая, собирая чемодан. Правда, не в Египет, а в Санкт-Петербург, и не на отдых, а в командировку.

– Никто не поверит, – вздыхает мамуля.

– Тогда правду скажи. Нет меня дома. И ключей от моей квартиры у тебя нет. Ма, да я не вру тебе, действительно в командировку еду. Ну, в самом деле, какая тетя Катя?

Закрываю ярко-желтый чемодан, придавливаю коленом,

чтобы застегнуть молнию.

– А как же ты тогда меня в гости приглашаешь? – находит мамуля в моих словах лазейку. Очень уж ей не хочется оправдываться перед сестрой и “иметь бледный вид”, как она любит говорить.

Разумеется, если бы приехала мамуля, я бы оставила ключи соседям или консьержке. Но ради тети Кати не пошевелюсь.

– Мам, для тебя – хоть звезду с неба. Теть Кате – привет из... Казани передам.

В последний момент изменяю город, зная, что эти и в Питер ко мне припрутся, еще и в номер мой заселятся. Скандальная родственница умудрялась довести не только всю семью, но и окружающих до нужной ей кондиции. Не сомневаюсь, что их пустили бы в мой одноместный номер. Впятером.

– Ты действительно уезжаешь? – Мама, по всей видимости, услышала характерный звук молнии.

– Нет, вру родной матери! – язвлю привычно. – Уезжаю, мам. Меня вместо этого алкаша Валерки снова посылают в командировку. В последний момент. Еще час назад я планировала совершенно другой Новый год, поверь.

И любой вариант праздника был без нелюбимой мной тетки, которая своими визитами портила все мои каникулы. Мне приходилось нянчить ее троих детей, гулять с ними, организовывать развлекательную программу самой теть Кате и всячески содействовать их с мужем отпуску. В ущерб свое-

му отдыху.

И что я за это получала? Правильно. Ушат претензий, недовольство и лживые доносы бабуле о моем поведении.

Нет уж. Лучше командировка и праздник в одиночестве.

Кто бы мог подумать, что я искренне буду радоваться внешне запно свалившейся как снег на голову поездке!

В дверь постучали.

Сердце тревожно замерло.

Неужели?..

Затаивая дыхание. На цыпочках крадусь в дальнюю спальню, закрываю дверь и шепотом уточняю у мамы:

– А когда прилетает тетя Катя?

– Да уже, должно быть, приехала, – признается мамуля.

– Мама!

– Когда я тебе позвонила, они сели в такси из аэропорта.

Закрыла глаза.

Как же хочется сказать много недобрых слов.

Очень много. И очень, очень недобрых.

Но это мама. Она не желала мне зла, просто в отличие от меня выросла с другими убеждениями. Бабушка вбила ей в голову, что старшая сестра должна всегда помогать младшей, вот тетя Катя и села ей на шею и ножки свесила.

– Значит сейчас я кладу трубку, ты звонишь ей и врешь, что я в аэропорту в зоне вылета.

– Дочь!

– Можешь сказать ей правду. В любом случае это луч-

ше, чем то, как поступлю я, – заканчиваю фразу достаточно жестко.

И вру. Нагло вру. Я ни за что не стану на самом деле подставлять маму. И вполне могу выйти через черный ход. Благо, живу в старинном доме и здесь есть такая роскошь. Мамуля у меня еще не была и не знает о нем, так что недовольно сопит в трубку.

А дверной звонок всё разрывается.

Даже если бы я не знала, кто приехал, догадалась бы. Мало кто звонил бы, не отрывая пальца от кнопки несколько минут.

– Не хочу!

Конечно, ты не хочешь. Никто не любит признавать свои ошибки, притом столь ужасные.

– Тогда отключи сейчас телефон и не включай до завтра. И папе скажи, чтобы так же поступил. Я решу эту проблему.

– Выйдешь из квартиры, пошлешь их по неприличному адресу и захлопнешь дверь перед их носом? – спрашивает мамуля и я слышу в ее голосе возбуждение. Не одну меня допекла ее сестричка. Но мама в этом ни за что не признается. Она же хорошая девочка.

– Нет. Сбегу по пожарной лестнице. Ладно, мам, мне действительно пора бежать. Телефон отключи.

– Как же я узнаю, что ты задумала?

– Пришлю тебе письмо на электронку, – обещаю, уже не зная, как положить трубку.

– Ладно, – сдается мама и прощается, когда я уже не верю своему счастью.

Вызов такси, короткий забег по лестнице через черный ход – и я лечу на вокзал. В ушах до сих пор истошный звук дверного звонка. Кажется, он въелся в мозг.

Телефон разрывается от звонков и сообщений тети Кати, и я ловлю себя на мысли, что начинаю жалеть о своем решении. Затем вспоминаю последний их визит к маме, пропажу моих украшений, которые я потом обнаружила на фото сестричек в социальных сетях, и отпускает. Нет уж. Никакой жалости.

Сказать, конечно, проще, чем сделать, потому решаю, что в купе сразу приступлю к работе и некогда будет забивать себе голову.

Вокзал радует многочисленными желтыми огоньками и отсутствием толпы. Я быстро нахожу свой перрон и подхожу к вагону, с удивлением понимая, что мне достался блатной СВ, а не купе, как обычно.

– Ты посмотри, Валерка, значит, ездит как барин, а на мне фирма экономит, хотя я работаю в сто раз больше, – не сдерживаю рвущийся комментарий.

Было до слез обидно. Я пашу как ломовая лошадь, подменяю его во время запоев, подхватываю не сданные им в срок проекты и всячески оберегаю репутацию компании, вон, даже под Новый год еду в командировку, а все плюшки достаются зятю директора.

– Ладно, день не самый простой, но я еще могу сделать его приятным. Не буду портить себе настроение, – говорю решительно.

– Отличный настрой, – с улыбкой поддерживает проводница и, отсканировав штрих-код с экрана телефона и проверив паспорт, гостеприимно приглашает меня в вагон.

Купе выглядит великолепно, в нем и широкие полки, и санузел, и даже живые цветы на покрытом скатертью столе. А еще новогодние гирлянды и маленькая елочка, прикрученная к потолку. Приклеенные к ней разноцветные игрушки радостно сверкают полированными бочками и покачиваются, когда поезд трогается.

Впервые радуюсь, что на Сапсан не было билетов. А ведь услышав про обычный поезд, злилась, что ехать долго. Зря, очень зря.

Решаю не терять зря времени, быстренько написать тетушке, что я в поезде, меня экстренно вызвали в командировку и я совсем про них забыла, и здесь ужасно плохая связь. Маму нужно защитить от этой мегеры настолько, насколько возможно. А затем принять душ, намазаться кремами и с относительно спокойной совестью лечь спать.

Спустя десять минут я в одном полотенце, обернутом вокруг тела, безуспешно пытаюсь найти пижаму, которую всегда беру с собой в путешествие. Но, кажется, мама меня так заболтала, что я ее забыла.

Тетя Катя спамит сообщениями, которые пиликают так

часто, что начинают напоминать популярную музычку, и я поднимаю взгляд, проверяя, есть ли у меня здесь радио. И, о чудо, нахожу заветную крутилку.

Долго не думаю, забираюсь на свою полку, придерживаясь за пустующую верхнюю, тянусь к вентилю с музыкой, как вдруг дверь за моей спиной распахивается.

Дергаюсь.

Оступаюсь.

Пытаюсь зацепиться за верхнюю полку и упереться ногой в противоположную нижнюю, которой нет, ведь я не в обычном купе, а в СВ... Узел на полотенце бессовестно расходится, и я лечу... прямо в объятия не ожидающего подобного “подарочка с небес” мужчины.

– Э, – на мгновение теряется он, но быстро берет себя в руки. – Добрый вечер. Кажется, я ваш сосед. Рад знакомству. Нет, я очень рад знакомству, – добавляет, оглядывая мое обнаженное, тщательно намазанное кремами тело.

Глава 2. О том, что иногда не нужны слова

– Позвольте представиться...

– Позвольте одеться! – говорю сдавленно.

Мне ужасно стыдно. Так, что краска заливает щеки и ползет к груди. До сих пор обнаженной!

По хищному лицу мужчины видно, что ему вообще не нравится эта идея. Добыча уже в его руках. Но я хмурю брови, включая “Алину Павловну с работы”, а не милую девочку из драмы, которая только и делает, что половину сериала падает на героя, чтобы “случайно” его поцеловать.

– Конечно. Извините.

Только вот он и не думает ставить меня на пол, укладывает на нижнюю полку, ненадолго касаясь нежной кожи ягодиц. Задерживается, не отстраняясь.

И я задыхаюсь. Он слишком близко. Такой большой, пышущий жаром крепкого здорового тела.

На черной ткани распахнутого пальто и в темно-русых волосах еще не до конца растаяли снежинки, и они сыплются на меня, мгновенно превращаясь в прозрачные капельки, заставляя при этом ежиться.

Губы оказываются слишком близко. Красиво очерченные, твердые. Голубые глаза гипнотизируют, не позволяя ото-

рвать от них взгляда.

Хватаю ртом воздух.

Он склоняется ко мне. Еще ближе.

Сердце колотится, словно мы на барабанном шоу, и оно подстроилось под бешеный ритм тамтамов.

– Проверка билетов! – громко говорит проводница.

Вздрагиваем. Мужчина отстраняется. Подает мне упавшее полотенце, и я быстро в него заворачиваюсь, пока он отворачивается к открытой все это время двери. О которой я и думать забыла!

Наше купе не первое, потому я успеваю завернуться в халат и надеть тапочки, но когда приходят проверять билеты и паспорта, все еще красная от смущения.

Со мной такого никогда не было!

Какой кошмар!

– Я думала, сейчас все купе мужские или женские, – говорю проводнице.

– Нет, есть и общие. Во время бронирования все написано.

– Секретарь бронировала, я в командировку еду, – произношу, пытаюсь взять себя в руки.

– Видимо, не было билетов в женском купе. Перед праздниками у нас всегда аншлаги, – доброжелательно сообщает проводница, и после ответа еще на пару вопросов удаляется.

В купе топором висит неловкое молчание, но мой попутчик смело берет дело в свои руки.

– Меня зовут Роман. Тоже еду в командировку, – представляется он, обезоруживающе улыбаясь. – Пожалуйста, извините мое не джентльменское поведение. Вы невероятно красивы, и я... Впрочем, это меня не извиняет. Был не прав. Еще раз прошу меня извинить.

Я терпеть не могу, когда мужчины сваливают на женщин ответственность за свое поведение, потому что оценила то, что он не стал так делать.

– Алина, – представляюсь коротко. В конце концов, в некотором роде он знает обо мне куда больше остальных.

– Очень рад.

Мы обмениваемся еще несколькими фразами, но я быстро это сворачиваю. Мне нужно еще немного поработать. Заодно окончательно успокоюсь после небольшого инцидента.

Телефон по-прежнему разрывается, но уже на беззвучном режиме, потому что лишь семафорит всеми огнями, как бесится тетка. Роман поглядывает на него, но молчит, сидя на небольшом угловом диванчике. Я же стараюсь не смотреть в его сторону, но нет-нет, да и бросаю короткий взгляд.

В какой-то момент увлекаюсь работой так, что не замечаю, как он покидает купе. Вижу лишь пустой диванчик.

Быстро звоню маме и папе. Телефоны отключены. Улыбаюсь. Вот чего у мамы не отнять, так это исполнительности. Если она накосячила и мне приходится разгребать, тут уж она меня слушает от и до.

Проверяю сообщения тети. Вижу, как от бешенства и зло-

сти она постепенно смиряется с необходимостью потратиться на гостиницу как минимум на одну ночь. А дальше, конечно, получаю ее коронное сообщение: “Где ты собираешься праздновать новый год? Мы приедем к тебе. Не дело это одной быть в семейный праздник. Жду название отеля и адрес”.

Закатываю глаза. Вот ведь непробиваемая женщина! Если твердо решила встретить новый год за чужой счет, ни за что не откажется от своих планов.

До меня вдруг доходит, что сейчас-то она в гостинице, но утром, если я не сдам ей явки и пароли, поедет к мамуле. А та, разумеется, ее примет, никуда не денется.

Проверила банковский счет, позвонила однокласснику и хорошему другу, который держал шикарную базу отдыха неподалеку от моего родного города, обрисовала ситуацию. Услышала обрадованное:

– Ты вовремя, Алька. Просто не представляешь, до чего вовремя. Домика свободного, конечно, нет и быть не могло, у меня место популярное.

– Конечно-конечно, – исправляюсь я. Нужно было поделикатнее спрашивать, я же как танк вечно прущу напрямую.

– Но мы сами решили свинтить на море. Друг не может полететь, подарил нам путевку, вот мы буквально час назад ее переоформили и мчим домой собирать чемоданы.

– Удачно, но я не понимаю...

– А я к тому, Алька, что наш дом остается без присмотра.

Он тоже в лесу рядом с базой, так что твои оттуда и еду, и все, что нужно закажут. А проживут у меня бесплатно.

– Я могу оплатить!

– Не спорь даже. Это взаимовыгодный вариант. Они и за домом присмотрят, и отдохнут, рыбок моих покормят, котиков Анькиных погладят. И матушку мою не нужно будет напрягать ездить смотреть за животной.

– Ну, если только так.

– Я своих на базе предупрежу, сделают твоим проходки везде. Шурши в свой Питер, я заеду к твоим через час и заберу их. Теть Зина быстро соберется, я ее знаю.

На душе так хорошо, что я уже рада всему: и командировке, которая позволила избежать скандала с родней, и тому, что устроила родителям классный отдых за городом, куда никого больше не пригласишь, особенно тех, кого не хочешь приглашать.

– Идеально! – произношу я, после чего быстро набираю письмецо мамуле, получаю сообщение, что она его прочитала, а следом и и ее счастливый вопль в ответном сообщении. Она рада, что все так складывается.

Тетушке пришлось написать сообщение другого рода, еще раз напомнить, что со связью в поезде беда, после чего я, наконец, окончательно успокаиваюсь, убираю ноутбук и телефон.

Все дела выполнены. Можно расслабиться. И поспать.

Иду в маленький санузел, чтобы вымыть руки и намазать

их кремом, но, стоило открыть дверь и сделать шаг внутрь, как стекло малюсенькой душевой отъезжает в сторону, пропуская мокрого и довольного Романа.

В отличие от меня мужчина и не думает смущаться.

– Один:один, – озвучивает он наш “голый счет”.

А я так теряюсь, что машинально закрываю дверь. Забывая при этом выйти из микроскопического помещения.

Глава 3. О спонтанных решениях и их последствиях

Смотрю на Романа. Глаза в глаза. Мы так близко, что наше дыхание смешивается. От него пахнет грейпфрутом и мятой. Забавно, но я тоже пользуюсь этой зубной пастой.

Облизываю губы.

С его волос капает вода. Стекает по щеке прозрачными бриллиантами, цепляется за уже заметную к вечеру щетину.

Сглатываю набежавшую слюну. Испуганно вздрагиваю.

– Я...

Не знаю, что сказать. Кажется, что-то нужно, и обычно я не теряюсь, умею выступать и на публике, и во время стрессовых переговоров, но здесь слова не идут.

– Это судьба, – говорит Роман и делает разделяющий нас шаг. Склоняется к моему лицу.

Носы едва-едва, самую малость соприкасаются, но я воспринимаю это словно столкновение двух Вселенных. Теряюсь. По позвоночнику сверху вниз летит волна жара, расслабляя мышцы. Голова запрокинута. Ноги подкашиваются.

Он подхватывает меня, прижимает к крепкому обнаженному телу. Да так плотно, что упираюсь носом в разгоряченную, распаренную кожу с легким ароматом чисто мужского геля для душа. Пряно-древесным и в то же время горькова-

тым.

Щелкает замок. Кожи касается более прохладный воздух купе, вызывая колючие мурашки, делая ее еще чувствительнее.

От осознания, что это я, Алина Павловна Радская, или Ледяная Королева, как прозвали меня за глаза коллеги, совершаю нечто восхитительно-непристойное, перехватывает дыхание.

Решусь ли я?

Да какие могут быть вопросы? Я даже не помню, когда у меня в последний раз был мужчина! Работа-работа-работа, затем ипотека и еще больше работы, чтобы поскорее ее выплатить.

Роман – моя награда. Подарок на Новый год от судьбы. Пусть меньше, чем на ночь, пусть не совсем в дату. Да все равно!

Я его хочу. И врать себе не собираюсь.

Это первая моя реакция на мужчину за бездну лет, нужно быть душой, чтобы не совершить... эту ошибку. А, может, и не ошибку.

Ягодиц касается приятно-шершавая ткань скатерти. Роман приподнимает меня и усаживает на стол так, словно я ничего не вешу. И смотрит. Так смотрит, что жидкий огонь с бешеной скоростью несется по венам, воспаляет тело.

Нежные, но сильные пальцы ложатся на колено, отодвигают в сторону. И я вдруг с изумлением осознаю, что этого до-

статочно, чтобы я готова была его принять. Разгоряченная, влажная, жаждущая.

И предварительных ласк не нужно. Достаточно лишь спокойных властных движений, заставляющих почувствовать себя слабой, хрупкой женщиной в надежных и сильных руках.

– Скажи мне: “Да”, – выдыхает он в губы.

– Разве ты задал вопрос? – уточняю, хотя все и так очевидно.

Рука ложится на шею, ласково и невесомо, легонько скользит по тонкой коже, спускается к спрятанной под тканью груди. Пальцы проникают внутрь, задевают сосок.

Рвано выдыхаю, прогибаюсь в пояснице, будто нарочно подставляя грудь ласкам.

– Твое тело дает честный ответ, Алина. Я хочу услышать такой же честный ответ и от тебя.

Смотрю в бездонно голубые глаза. Тону в них. Губы послушно шепчут: “Да”. И в следующее мгновение их лишают возможности говорить.

Роман целует головокруглительно и сладко, с достаточным напором, но не грубо. Я таю еще сильнее. Еще сильнее схожу с ума. Лгну к нему.

Его член давно упирается в мой живот, будоражит горячей твердостью, но я пока не решаюсь с ним познакомиться более тесно. Цепляюсь за широкие плечи. Глажу их. Царапаю.

– Ты на таблетках? – спрашивает мужчина.

– Нет.

Шумный выдох через нос.

– Страшно не хочу от тебя отрываться, но безопасность важнее, – шепчет, глядя на меня возбужденно и страстно. И я готова танцевать от счастья, потому что сильно бы разочаровалась, откажись он сейчас надеть презерватив. Для меня это важно. Даже принципиально.

Когда он отходит, запахи халатик. Ловлю отражение в зеркале. Щеки красные, волосы растрепанные, глаза хулиганские, дурные и счастливые. Киваю себе. И окончательно решаю взять от этой встречи все.

Когда Роман подходит с хрустящим конвертиком в руке, впервые опускаю взгляд на его член. Сглатываю. Слюна вновь наполняет рот.

– Подожди, – шепчу хрипло. – Можно... можно я попробую? Никогда не...

– Надевала презерватив? – удивляется Роман и тихонько смеется.

– Нет. Хотя и это тоже, – уточняю педантично. Хорошую девочку Алину никуда не деть даже во время непристойностей. – Никогда не сосала. Хочу попробовать. Можно?

Темные брови мужчины ползут вверх.

– Ты невинна? – спрашивает так, будто сам не верит, что говорит такую чушь. – Ты так красива, что я и подумать не мог, что у тебя никогда...

– Нет, – хмыкаю и растекаюсь в улыбке. – У меня когда-то были отношения. Но... В общем, забыли, – смущаюсь я, краснею и разом теряю всю свою напускную уверенность. – Я просто работала, – добавляю сама не знаю, зачем.

Мой шикарный и безумный роман трещит по швам. Нужно было молча позволить себя целовать и соблазнять.

Однако я ошибаюсь.

Роман мгновенно оказывается рядом, нежно касается губ, заглядывает в глаза.

– Ты восхитительна. Безумно красива. От тебя пахнет так... просто дурею, как охренительно.

Он шумно втягивает воздух, касается носом щеки, спускается вниз, не разрывая контакта. У основания шеи делает еще один глубокий вдох, и я вся сжимаюсь внутри, пульсирую, горю. Это слишком чувственно и остро.

Горячий язык касается кожи, вырисовывает узор, рождая в моем теле огненные вихри. Пояс халата падает на пол, полы распахиваются, открывая меня ему.

Он поочередно целует груди. Взвешивает их в ладонях. Юркий язык скользит вокруг соска, затем дразнит его быстрыми, точными ударами. И я уже где-то в подпространстве. Откидываюсь назад, упираясь головой в стекло, упираюсь локтями в столешницу. Глаза закрываются, тогда как рот напротив остается открытым, жадно хватая пропитанный тонким пряным ароматом страсти воздух.

Он целует живот. Затем спускается ниже.

Удивленно распахиваю глаза. Неужели он?..

Язык скользит по набухшим влажным складочкам, пробирается к клитору и начинает играть с ним, да так умело, что я взрываюсь практически сразу.

Вскрикиваю. Цепляюсь за стол. Рвусь из его рук. Выгибаюсь.

Он не прекращает ласк. Они уже немного болезненны, но все так же сладко-прекрасны. Только вот сдерживаться я больше не могу.

– Ту-ту-у-у, – машинист дает гудок, удачно заглушая звуки моего триумфа. – Ту-у-у! – позволяет он мне еще раз “высказаться” в полный голос.

Роман отпускает мои бедра и поднимается. Спазмы начинают потихоньку сходить на нет, и я блаженно улыбаюсь, лежа с закрытыми глазами не в самой удобной позе. Но сейчас мне так хорошо, что это совсем не тревожит.

Хруст пакетика, тихий шелест. Моих ног вновь касаются чуткие пальцы, разводят их в стороны. И в следующий миг ощущаю постукивание по сверхчувствительному сейчас клитору. Ахаю.

– Входи, – шепчу на выдохе. И тут же вновь хватаю ртом воздух, когда он наполняет меня, сильно раздвигая мышцы.

Сжимаюсь вокруг него. Хлопаю ресницами. В глазах мушки. Неужели я еще раз сейчас кончу? И снова непозволительно быстро. Даже как-то неприлично.

Он начинает двигаться, удерживая меня за талию, и я по-

нимаю: да, кончу. Вот буквально через мгновение.

Второй оргазм оказывается многократно сильнее первого. Я лежу ошеломленная, расслабленная и в то же время чувствую, как в теле бешено бурлит энергия. Будто выкачала ее из мужчины.

Но я снова ошибаюсь. Он неумолим. И я неистовствую вместе с ним.

– Извини, что я так быстро, – говорю во время небольшого перерыва. Меня немного терзает этот вопрос, и я не могу молчать.

Мы лежим, прижавшись друг к другу, переводим дух.

– Шутишь? – Роман поднимает голову и смотрит на меня в изумлении. – Алина, если женщина быстро достигает оргазма и, вообще, его достигает – это лучший комплимент мужчине!

Смеюсь.

– Но в обратную сторону это не работает.

– Мужчина всегда должен уступать даме, – подмечает он.

– Я рада, что ты так серьезно относишься к этикету, – шучу, улыбаясь. – А мне сперва показалось, ты набросишься на меня, как варвар.

– Потому что я хотел наброситься на тебя как варвар. И позднее непременно это сделаю. Но у нас еще запланирован урок.

– Урок? – спрашиваю удивленно и тоже приподнимаюсь на локте, чтобы быть с ним более-менее наравне.

– Конечно. Я просто обязан восполнить страшный пробел в твоём сексуальном образовании.

Сглатываю. Краснею. Но мужественно киваю. Если уж решила сегодня уйти в отрыв, нечего давать заднюю. Вперед и только вперед.

– Хочу тебя помыть в душе. Ты не против? – вдруг переводит тему мужчине.

– Пойдем! Жаль, здесь маленькая душевая.

– Мы можем это исправить в Питере, – намекает Роман на продолжение банкета и гонит меня мыться, игриво подталкивая и пощипывая за ягодицы.

– Все возможно, – тоном заправской кокетки отвечаю я и забираюсь в крошечную душевую, где сразу хватаю мочалку с гелем.

Поворачиваюсь, чтобы передать их в мужские руки, и вижу, как многозначительно покачивается идеальный член.

– Иди, лучше я тебя помою, – говорю хрипло. – Ты же знаешь главное правило. Сперва домашка, потом прогулка.

– Кстати, у меня есть кандидатская. Не профессор, но почти. Готов принять зачет у обворожительной студентки.

Мои глаза сверкают предвкушением.

Глава 4. О рабочих буднях и не только

Мы утомились не больше часа назад, и мой Новогодний Подарок, вымотанный страстью, уже спит, по-хозяйски положив руку мне на бедро. Я же не могу сомкнуть глаз. Слишком сумбурные мысли бродят в голове.

Безграничное счастье сменяется непозволительными предположениями: «А что, если?»

Им на смену приходит паническое: «Угу, размечталась! Вспомни, как это было в прошлый раз? Хочешь снова?»

Боль, несправедливость, обида...

Яркий роман, который закончился так неприглядно. Фу! Даже вспоминать не хочется. Одна польза – после него я с головой погрузилась в работу и достигла того, чего достигла. За это можно сказать спасибо. Можно, но что-то не хочется.

Прикрываю глаза, отгоняя призраков прошлого. У меня своего рода афганский синдром неудавшихся отношений. Но готова ли я к новым?

Да о чем я! Для него я – тоже своего рода приятный сюрприз. Способ скоротать поездку. Нам было очень хорошо, безумно! Но на ум приходит нелестное сравнение о собеседнике в поезде, которому можно излить душу, но больше никогда не встретить. Усмехаюсь в полумраке вагона.

Роман... Какое говорящее имя.

Осторожно повернув голову, люблюсь безмятежными чертами спящего мужчины. Второго в моей почти отсутствующей личной жизни.

Ужасно хочется прижаться губами к его идеальным губам, почувствовать запах кожи, провести руками по предплечью, почувствовать крепкие мышцы...

Нет! Я не допущу прежней ошибки, не поддамся на это звериное очарование. Останавливаю себя и едва ли не со слезами выгоняю прочь из постели. Роман что-то бормочет сквозь сон, когда его ладонь соскальзывает с моего бедра.

Замираю, затаиваю дыхание.

Но он не просыпается.

Немного завидую столь крепкой нервной системе. Я ужасно вымотана, но уснуть не смогу, наверное, еще сутки.

Хватаю вешалку с одеждой, смартфон, который обнаруживается на полу, благо целым, и прячусь в душевой.

Смотрю на экран. Сорок три пропущенных от тетки! Разумеется, телефон не выдержал такого напора и почти сел, несчастных два процента держались на честном слове и выглядели жалко.

А вот времени, оказывается, осталось всего ничего. Меньше, чем через час мы прибываем на Московский вокзал.

Киваю собственному отражению и, выключив телефон, быстро привожу себя в порядок, одеваюсь. Макияж сделаю в номере, у меня будет время собраться и подготовиться. По-

бросав мелочи в косметичку, хватаю чемодан, сумку, пуховик и на цыпочках выхожу из купе. Упаковываю косметичку прямо в коридоре, одеваюсь, радуясь, что нет свидетелей моему бегству.

А это именно бегство и ничто иное. Я почти в ужасе или в шоке. Странное состояние. Щеки пылают, губы опухли, еще и немного неудобно ходить. Все же купе поезда – не самое удобное место для бурной ночи, хоть и более романтическое.

– У вас что-то случилось? – участливо спрашивает проводница, выглянув из своего купе.

Она многозначительно смотрит на простенькие наручные часы со стрелками, как будто намекая, что рановато подпирать двери в тамбуре.

– Да... Нет... Там, – несу что-то несвязное и неопределенно машу рукой с зажатым в ней смартфоном. – Подышать захотелось. Можно я там постою? – Качаю головой в сторону выхода.

Проводница только кивает, и я выхожу в тамбур. Нетерпеливо притопывая ногой, люблюсь мрачным зимним пейзажем за окном.

Нервничаю. Поглядываю в сторону двери.

Кажется, что вот-вот выйдет он. Уже одетый, собранный, серьезный. Едва посмотрит. Может быть, кивнет. Или, того хуже, многозначительно улыбнется...

Почему-то в этот момент стало ужасно важно, что он обо мне подумает.

А что думают о женщинах, отдающихся первому встречному?

Верно. Ничего хорошего. Так что видеть его сейчас я не желаю. Пусть он останется Новогодним Подарком, приятным воспоминанием, а не...

Тссс... Что за звук? Кажется, это разбилась Ледяная Королева.

Нет-нет! Поиграли, и довольно! Слишком много эмоций. Смотрю в окно.

Еще темно, и видно не так уж много, мелькание меня убавкивает. Как же “вовремя”! Нужно будет выпить кофе и зарядить телефон на вокзале, раз уж напрочь забыла это сделать в вагоне.

Поезд начинает тормозить. Переминаясь с ноги на ногу, я с нетерпением жду, когда он, наконец, остановится.

Выскакиваю из вагона первой, стремясь поскорее уйти подальше. Раствориться в толпе.

Голова все еще кружится, стоит вспомнить о Романе и обо всем, что я себе позволила делать с ним этой безумно-сладкой, такой порочной ночью.

Только вот, сказка закончилась, новогодний подарок распакован, а на часах, нет, уже не полночь. Но и я не Золушка.

Бегу через здание вокзала, стуча каблучками. За мной никто не гонится, разве что нечистая совесть, которая, как моя соседка, сразу выглядывает в глазок, стоит только хлопнуть дверью чуть громче. Двинутая старушка из какого-то древ-

него рода, живущая в моем доме. Не удивлюсь, если она еще и записи ведет, кто когда приходит и уходит. Хорошо, ее не было в нашем вагоне. То-то бы она записей наделала! Из одних гласных.

Хмыкаю.

Озираюсь по сторонам, вижу зарядную станцию, возле которой неожиданнолюдно. Стоять в толпе как-то не хочется, мне кажется, что мое против воли сияющее лицо привлекает слишком много внимания, и я оставляю смартфон заряжаться, а сама сворачиваю в ближайшее открытое кафе. На мое счастье здесь никого. И стойку с телефоном прекрасно видно.

– Девушка, доброе утро! Мне американо и макиато с карамельным сиропом, – делаю заказ.

Чтобы оплатить, приходится лезть в сумку за картой. Ужасно неудобно, но телефон разряжен. Молоденькая официантка, на угрюмом лице которой из-под густого слоя косметики отчетливо проступают следы бессонной ночи, сонно кивает и отходит к кофе-машине. Я думаю, что мы в этом с ней сегодня похожи, только я без макияжа и устала по другой причине.

Сажусь за столик, снимаю приметный белый пуховик, и бросаю вместе с сумкой на соседний стул. Рядом пристраиваю чемодан на колесиках и жду заказ, разглядывая людей у зарядной станции. Немного тревожно оставлять вот так телефон, но с другой стороны, кому он тут нужен? Опять же

хочется верить в людей и в особую атмосферу культурной столицы, которую так нежно обожает одна моя коллега по работе.

Я бы, может, тоже любила Санкт-Петербург, но вечно приезжала сюда по работе и носилась с одной встречи на другую до потери пульса. Не успевала проникнуться.

– Ваш кофе! – как-то слишком громко повторяет официантка.

Точно! Повторяет. Первый раз я проигнорировала её окрик. Похоже, начинаю залипать. Кофе! Мне нужен кофе!

Отхожу к стойке, чтобы забрать заказ, а когда возвращаюсь к столику, вижу, как мужчина лет пятидесяти, худой и высокий, отсоединяет мой смартфон и, положив в карман, не спеша топает в сторону билетных касс.

– Эй! Мужчина, эй! – кричу ему и, прихватив сумку по годами отработанной привычке, тороплюсь следом.

Догоняю метров через пятьдесят.

– Мужчина, вы забрали мой смартфон! – Незнакомец с недоумением смотрит на меня, хмурится. Шевелит губами. – Вы, наверное, перепутали? – нажимаю я.

К счастью, он не бросается бежать, а лезет в карман и достает устройство. Крутит в руках, и его брови ползут вверх.

– Простите, ради бога! И, правда, перепутал. Они нынче все так похожи... Простите! Не выпался, наверное... – Дядечка возвращает мне смартфон и снова идет к зарядной станции.

– Ничего страшного. – Я почти проникаюсь сочувствием и тоже возвращаюсь к оставленному кофе, по пути проверяя цифру на батарее. Такси вызвать хватит.

Мой ярко-желтый чемодан видно издалека, и я выдыхаю, радуясь, что он на месте. В кафе выстроилась небольшая очередь из четырех человек, пассажиры начинают подтягиваться. Риск новой встречи с Романом возрастает. Не присаживаясь за столик, расправляюсь с американо, макиато беру с собой. Пара глотков крепкого напитка быстро придадут сил, если снова начну засыпать.

Так, с чемоданом в одной руке, стаканчиком кофе в другой и дамской сумкой на плече, иду к выходу и сажусь в такси.

Машина мерно покачивается, убаюкивая, но я из последних сил держусь и подпитываю организм маленькими глоточками кофе. Но проснуться так и не удастся. В номер заселяюсь, что называется, на автомате. И первым делом достаю из кармана визитку.

– Роман Дмитриевич Салтанов. Вот ведь фамилия, – произношу вслух.

Визитка отчего-то кажется горячей. И зачем взяла? Знала ведь, что не пойду с ним на еще одну встречу. То, что было в поезде, остается в поезде.

Рука тянется к мусорной корзине, но в последний момент даю слабину и прячу ее назад в карман.

– Потом выброшу, – вру себе.

А дальше начинается мой стандартный сумасшедший рабочий день. Еще несколько чашек кофе позволяют окончательно проснуться и полностью сосредоточиться на поставленных руководством задачах.

Встреча за встречей. Официальные и неофициальные, с кофе-чаем или вином и шампанским. К вечеру я едва держусь на ногах, но улыбаюсь. И только в гостинице обнаруживаю, что визитка из кармана исчезла. Выпала, когда я в очередной раз доставала оттуда перчатки.

– Не судьба, – говорю себе.

На губах горечь.

Признаться, я так устала за эти сумасшедшие сутки, что хочется просто лечь спать. Вот только мой испорченный постоянной работой и сбитым графиком организм как будто совсем разучился отдыхать.

Я чувствую все признаки предстоящей бессонницы. Знаю, что буду лежать и злиться, наблюдая, как сменяются цифры на часах, как неумолимо приближается утро, и предвкушать, что завтра снова буду пить литрами кофе и ползать точно сонная муха. В лучшем случае до обеда.

А ведь у меня свободный день в Санкт-Петербурге, и поезд в Москву только в ночь! Кирилл Сергеевич использовал это как аргумент, когда уговаривал меня поехать. И даже обещал оплатить все траты – своего рода подачка с барского плеча, но грех не воспользоваться. Если его зять решил начать праздники пораньше, то я тем более заслуживаю

небольшой отдых и компенсацию.

Жаль, конечно, что “все траты” – это далеко не все, но культурную программу руководство оплатит, никуда не денется.

Схожу в музей. На Эрмитаж меня вряд ли хватит, но почему бы не заглянуть во дворец Меншикова? Все никак не дойду до него. Потом погуляю по Невскому, посижу в кафе.

План на день я собиралась составить еще в поезде, посмотреть в интернете, но не срослось. Нашла занятие поинтереснее. Н-да...

От одного воспоминания о головокружительной бессонной ночи с невероятным, лучшим за всю мою не слишком насыщенную сексуальную жизнь, любовником сладко тянет в животе. Грудь приподнимается, будто норовя лечь в сильную и горячую мужскую ладонь.

Так стоп. К делу!

Никаких воспоминаний.

И, похоже, нужно подкорректировать план. Мне нельзя оставаться в одиночестве. Надо будет утром позвонить Ленке.

Моя одноклассница и подруга детства переехала в Питер лет десять назад. Она была просто очарована этим городом в свое первое посещение, бредила им, пока не исполнила свою мечту. Уж она-то точно придумает, чем мне заняться, а то и компанию составит. Тем более, давно зазывает меня в гости, а я приезжаю, бегаю по городу, как ужаленная, и все никак

с ней не встречаюсь.

Вздыхнув, достаю из пакета бутылку вина, которую приобрела в ближайшем алкомаркете. Выпью бокальчик – сонную дозу, приму горячую ванну. Может, получится расслабиться и все-таки уснуть.

Впечатлений сегодня было много, и речь не только о случайном знакомом в купе. Множество деловых контактов, обмен опытом. Акулы бизнеса, с интересом на меня посматривающие во время выступления на конференции.

И не только на мои ноги или грудь! Как на профессионала! В этот момент я даже порадовалась, что со своими работками в кои-то веки выступаю сама, а не Валерик.

Я и не знала, что теряю на самом деле!

Но у нас был регламент, и только топовый состав представлял компанию. А мы, простые винтики огромного механизма, все для этих презентаций готовили.

А комплименты потом... А сколько визиток у меня попросили! Я в жизни не раздавала столько! Разве что расписаться на груди не предлагали. Прямо ощутила себя знаменитостью. Не стану кривить душой, мне это очень польстило. Заставило взглянуть по-новому на свои заслуги.

Невольно улыбаюсь, вспоминая особенно яркие моменты.

Думая обо всем этом, я раздеваюсь. Расправляю постель, чтобы потом сразу забраться под одеяло. Пускаю воду в ванну и расставляю купленные в сувенирной лавке свечи. Переношу сюда же маленькую украшенную гирляндой елочку из

комнаты – хочется праздника.

Если подумать, день прошел великолепно. Я чувствовала себя в своей стихии. Огорчало одно – порой меня принимали за основательницу крупной компании и очень удивлялись, что я простой маркетолог в «Кирвино» – компании средней руки.

Ну, не совсем средней, конечно. Но по сравнению с теми, кто приехал на форум – определенно да.

Один из новых знакомых прямо сказал, что мне стоит задуматься о своем бизнесе или хотя бы смене работы. И визитку дал. Скромную такую, белую, без вензелей и позолоты, зато на дорогой бумаге. Прямо сказал, что если я приду к ним в компанию, получать буду столько, что я сперва приняла его слова за розыгрыш.

И звучало это волшебно.

Но еще лучше звучали слова про свое дело.

Свой бизнес, небольшая, но подающая надежду компания...

Наберу специалистов. У меня всегда неплохо получалось определять молодых сотрудников с хорошим потенциалом. К нам в «Кирвино» с моей подачи человек пять-шесть устраивались, да через год сбегали на зарплату побольше, потому что начальство жадничало там, где не надо. У меня и контакты остались. Может, попробовать переманить?

Расхаживая в одном белье, надеваю тапочки, ставлю бутылку с вином на тумбу возле раковины. Рядом бокал. Рас-

ставляю и зажигаю свечи, снимаю халат, продолжая представлять, как обустроиваю офис и нахожу клиентов.

В который уже раз я возвращаюсь к своей несбыточной мечте о собственном бизнесе?

Почему несбыточной? Потому что знаю, как все устроено. Даже слишком хорошо знаю. Кирилл Сергеевич – тварь мстительная и со связями. Он намеренно меня утопит, если рыпнусь.

И думаю я так неспроста.

Однажды я высказала Валерику все, что о нем думаю. Разговор состоялся на одном из корпоративов, когда зять босса решил распустить руки и прижать меня у туалетов. Я себя в обиду не дала и не испугалась. Отбилась. Пригрозила, что уволюсь, и некому его будет покрывать. После чего он отстал и больше даже намеков не делал, но его слова: «Только попробуй, батя тебе всю жизнь сломает!» – в голове засели.

Инцидент закончился там же, где и начался. Валера дальше вел себя как ни в чем не бывало, я тоже делала вид, будто ничего не случилось, но в моменты, когда в очередной раз накрывала мысль об увольнении, я вспоминала эту его угрозу. И терпела.

Но сейчас я вдруг подумала – а если он просто языком молол?

Да и что мне Кирилл Сергеевич сделает? Ну, допустим, в Москве у него связи, а я в Питер перееду или еще куда-нибудь.

Ну и будем откровенны – не того мой босс полета птица, чтобы обладать столь длинными руками. А я сегодня прямо веру в себя обрела. Поняла, насколько я востребованный специалист.

Но...

Мечты мечтами, а пока я не готова к своему делу. Нужно еще многому научиться и поработать в должности повыше. Мама всегда говорит, что чем выше сидишь, тем больше видишь, и я чувствую истину в ее словах.

Проверив воду, собираюсь открыть бутылку с вином. На фоне воспоминаний о любителе заложить за воротник Валере, мое намерение выпить в одиночестве и сомнения по этому поводу кажутся иронией.

Сегодня можно. Это просто терапевтическая доза для сна. Мне есть, что отмечать, и есть, о чем сожалеть. Наверное.

Покрутив в руках бутылку, понимаю, что я совсем забыла про штопор. Поиски не дают результата. Похоже, его вообще нет в номере.

Вот незадача!

Звоню на ресепшн. Мне обещают его сейчас же принести, но проходит десять минут. Пятнадцать. Вода в ванной уже стынет, а я почему-то сержусь.

Кружу по номеру. Слышу, как в коридоре раздаются приглушенные мужские голоса. Кажется, кто-то прощается. Не похоже, что это несут мой штопор. Но я подхожу ближе к двери, вдруг все-таки ошибаюсь.

Слышу, как открывается дверь номера напротив.

Раньше, чем успеваю подумать, правильно ли поступаю, вырываюсь в коридор прямо в халате и босиком.

– Мужчина, простите, пожалуйста. У вас не найдется штопора? Мне на минуту, я сразу верну! – договариваю уже не столько в спину соседа, сколько в закрывающуюся дверь.

Створка послушно распаивается обратно. Из тени выходит высокий, широкоплечий мужчина в пальто, на котором растаявшие снежинки оставили россыпь бриллиантовых брызг. В ноздри бьет запах мороза и знакомого парфюма. Так пахло в купе поезда...

– Алина?! Какой приятный сюрприз!

Глава 5. О простых радостях и пороках

Сердце срывается с места и несется галопом, прыгает то ли в пятки, то ли в небо. Я так и не могу определить. На меня с искренним удивлением смотрят улыбчивые голубые глаза.

– Р-рома...

Я не могу больше ни слова вымолвить. Замираю, точно кролик перед удавом. А предательское тело реагирует мгновенно на его образ, на запах. На одно его присутствие!

И руки вдруг опускаются на поясок халата. Будто успел выработаться условный рефлекс – видишь Романа – снимай одежду.

А самое ужасное – я ничего не могу поделать с собственным организмом, и мужчина видит две отчетливые горошины, проступившие сквозь ткань халата. Точно видит! Потому что я вижу, куда он смотрит.

– Заходи скорее! Тут холодно!

Самым бесцеремонным образом он затаскивает меня в свой номер. Я даже не понимаю как выходит, что оказываюсь сидящей на краешке кровати. Молча наблюдаю, как он снимает пальто. Стягивает свитер, оставшись в одной рубашке, которая, несмотря на свободный крой, совершенно не скрывает шикарного накачанного тела. Или это моя разгорячен-

ная фантазия дорисовывает однажды увиденное?

– Морозно сегодня, да? – улыбается он.

– Ага, – киваю я, а затем вдруг обретаю способность думать и вскакиваю на ноги. – Ключ! Ключ остался в номере!

– Черт... – замирает Роман. – Прости, не подумал. В голове было одно – пол холодный, а ты босиком. Не переживай, я сейчас позвоню на ресепшн. Они принесут другой. Какой у тебя номер?

– Угу, принесут. Я штопор уже минут двадцать жду, – ворчу я, усаживаясь обратно, и снова спохватываюсь: – Там свечи! Что, если начнется пожар?

– Свечи? – Роман подходит совсем близко. Присаживается на корточки, заглядывая мне в лицо. Сердце на секунду замирает, а затем подскакивает к горлу.

Его руки ложатся по обе стороны от меня, не касаясь, а я уже поджимаю в предвкушении пальчики.

– Да, свечи. Скорее... – отвечаю почему-то шепотом.

– Штопор, свечи. Выглядит подозрительно... – почти мурлычет Роман.

Его губы все ближе и ближе. Я отклоняюсь назад и вдруг падаю. Мужчина нависает сверху. Вижу, как часто вздымается его грудь и вдруг осознаю: да он возбужден не меньше моего! Ему плевать на пожар и свечи. Сейчас мы продолжим то, что начали в поезде, даже если вокруг будет полыхать пламя. И нам даже слов не понадобится.

Используя остатки здравого смысла пишу:

– Рома, нет! – толкаю его в грудь, пытаюсь выбраться. – Если гостиница сгорит, у меня денег рассчитаться не хватит. – Пусти, пожалуйста!

Нехотя он встает.

– Да, ты права. Прости. Просто я подумал...

– Подумал, что это просто предлог, да? Блин!

У меня наступает какой-то откат. Я понимаю, что нужно расставить точки над “и”. Но сначала дело.

Снимаю трубку телефона и набираю номер администратора.

– Девушка, я ключ забыла внутри. Дверь захлопнулась. – Называю номер. – Только, пожалуйста, побыстрее, а не как со штопором. Я жду важный звонок и замерзаю!

Заверив меня, что будут с минуты на минуту, моя собеседница кладет трубку, и я поворачиваюсь к Роману. Мужчина наблюдает за мной с интересом. А затем вдруг задает неожиданный вопрос:

– Ты здесь по работе?

– Ты же не думал, что я ехала в том поезде чисто ради приключений? – Изгибаю бровь, пытаюсь взять реванш за минуту покорной слабости.

Он неопределенно ведет плечом, и меня это задевает.

– Слушай, Роман, я все понимаю. Ты, наверное, обо мне всякое подумал, но со мной это в первый раз. Все было просто охренительно, но давай просто забудем, о’кей? – направляюсь к выходу, но он хватает меня за руку и тянет к себе.

– Да ни за что! – выдает он таким так, что мне только и остается, что рот открыть от удивления.

А в следующий миг, он накрывает его поцелуем, и я снова не в состоянии отказаться от молчаливого, но многозначительного предложения. Я схожу с ума, от плавных движений языка, от чуть шершавых ладоней, которые уже проникли под халатик и сжали ягодицы. Покрываюсь мурашками...

Громкий стук заставляет меня отпрянуть от Романа.

– К-ключ принесли! – зачем-то поясняю я и бегу к спасительной двери, на ходу запахивая халат и завязывая пояс.

В коридоре уборщица. Передает мне ключ от номера, и я от души ее благодарю за расторопность, надеясь, что еще не сработали датчики дыма и боясь в любой момент услышать сирену. Она уходит, а я первым делом забегаю в ванную.

Зря так боялась. Все тут хорошо. Даже пена не успела осесть. Свечи ровно горят, медленно мигает гирлянда на елочке. Ждет вино на столике у раковины. Уютно и тепло...

– Мило у тебя тут. Я даже завидую, – раздается голос из-за моего плеча.

На талию ложатся руки, и я оказываюсь прижата к сильному мужскому телу. Роман воспользовался открытой дверью и вошел незванным гостем.

– Не помню, чтобы я тебя приглашала... – отвечаю, а сама прикрываю глаза, понимая, что не смогу его прогнать.

Не сегодня.

Не знаю, что со мной. Возможно, тело проснулось после

долгой спячки и хочет наверстать упущенное, но я буквально горю от одного его присутствия.

– Я штопор принес... – просто отвечает он, медленно разворачивая меня к себе. – Давай закажем еду в номер? Я ужасно проголодался.

И так это у него просто получается, что я невольно улыбаюсь, очарованная его обаянием.

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь?

– Кого же?

– Какого-то сказочного персонажа. Просто все так странно. Так ведь не бывает. Один и тот же отель, купе в поезде... Ты точно за мной не следишь?

– А ты? Я приехал по рабочим делам и в тот отель, что всегда бронирует для наших сотрудников секретарь. Заблаговременно.

– Уел! – смеюсь я и предлагаю, понимая, что избавляться от гостя не собираюсь, а дальнейшие планы у нас наверняка совпадают: – Ванна остывает. Ты со мной?

Забавно. Я никогда ничего подобного не делала, а тут получается так просто. И даже ни капли не стыдно.

Да и чего стыдиться? Я взрослая женщина. Имею право.

– Еще бы. От такого предложения кто откажется? Погоди, я только схожу к себе, возьму некоторые вещи и закажу нам ужин. Любишь рыбу?

– Обожаю! И креветки. И салат... – перечисляя пожелания, вдруг понимаю, что тоже ужасно проголодалась.

Роман неспешно, словно не собирается уходить, развязывает пояс моего халата, тянет вниз ткань, позволяя ей упасть к нашим ногам. Также неторопливо и с явным удовольствием освобождает меня от бюстгальтера и маленьких кружевных трусиков. Подает руку, помогая забраться в ванную.

Стараюсь как можно изящнее перешагнуть бортик, и краснею, предвкушая все, что будет этим вечером.

А заботливый и нежный любовник не спешит меня покинуть. Открывает вино, наполняет бокал. И только передав мне его, сладко целует в губы и выпрямляется.

– Жди меня. Я быстро, – обещает он.

Тихо клацает замок.

– Господи, что происходит? Что я себе позволяю? – спрашиваю вслух, оставшись одна. Мироздание молчит, лишь маленькая елочка škodливо подмигивает огоньками на гирлянде.

Зато тело полыхает так, что кажется, будто немного остывшая вода сейчас закипит.

Когда он рядом, я смелая и раскованная, но как только дверь за мужчиной закрывается, тут же одолевают сомнения. Что я творю? Правильно ли это?

Понимаю, что трусость, но делаю глоток вина, надеясь, что оно немного расслабит и позволит принять ситуацию, насладиться ею. Бывают ведь курортные романы? Бывают. Ну а так как я много работаю, у меня роман командировочный! Вот!

Мужчина возвращается быстро и словно заполняет собой все пространство. Он одет в простую белую футболку и серые спортивные брюки, и почему-то ему невероятно идет этот наряд. Видно, что его легко снять.

И его действительно так и хочется стащить!

Но я мужественно лежу в ванне и делаю еще один глоток.

– Ты очень красивая, – произносит Роман, присаживаясь рядом на корточки и целуя мое плечо.

– Ты... ты не пойдешь ко мне? – чуть запинаясь, смутившись.

– Сейчас еду принесут, дождусь.

Мне было бы проще, если бы он начал меня целовать и все сомнения сразу улетучились бы как дым. А лежать обнаженной в ванне при мужчине было хоть и волнительно, но неловко.

Внезапно звонит мобильный.

– Принести? – спрашивает мужчина, легко поднимаясь. Даже удивительно, что такая громадина двигается практически бесшумно.

– Да, если не сложно, – говорю, а сама диву даюсь, кому там посреди ночи понадобилась.

– Тетя Катя, – озвучивает Роман из спальни и несет гаджет в ванную.

– Отключи телефон, – прошу его, закатывая глаза. – У меня никаких нервов с ней общаться.

– Это ведь она тебе названивала, когда мы ехали в поез-

де, – в его словах не вопрос, утверждение.

– Она. Приехала ко мне без предупреждения на новый год. Бесит.

Вновь не сдерживаюсь и закатываю глаза.

– Хочешь, отвечу? – с хитринкой в глазах уточняет мужчина, а я вдруг понимаю, что хочу ужасно! Пусть мамина легенда, что я отдыхаю с любовником, состоится. Тем более, что это и не легенда вовсе.

– А давай. Только мы в Казани, если вдруг что, – сдаю ложные явки и пароли, начиная ехидно посмеиваться.

– Сто лет не дурачился по телефону, – делится мужчина и, кашлянув, чтобы прочистить горло, отвечает недовольным начальственным тоном: – Алло?

Слышу идеальную тишину. Кажется, у тети Кати шок. Продлится он, конечно, недолго, но узнать, что и у нее бывают секундные перерывы в командно-назидательной трескотне, приятно.

Надолго ее, разумеется, не хватает. Слышу даже издалека, как она без приветствия велит передать мне трубку.

– И вам добрый вечер, – говорит Роман спокойно, а сам подмигивает мне.

Тетушка вновь теряется. Как это так – ее приказание и не выполнили? Непорядок! Потому визг начинается такой, что даже я морщусь, хотя нахожусь на некотором расстоянии от телефона. Рома и вовсе отводит руку с телефоном в сторону, а после отключает звонок.

– Ты что! Она еще раз позвонит! – сообщаю, что система не работает.

– Пусть. Пока ждем ужин, время есть.

Он смотрит многозначительно и жадно, но в уголках глаз морщинки. Смешно ему.

И мне, признаться, смешно. И оттого, что ведем себя как дети, и оттого, что просто весело немного показать надоедливой родственнице, что ее звонки далеко не всегда уместны. Она живет по принципу: мне надо – и все тут, хоть трава не расти.

Телефон трезвонит еще раз. Роман снова отвечает.

В этот раз тетя верещит еще громче, и он вновь отключает звонок.

В третий раз она делает выводы и вежливо здоровается. А я едва сдерживаюсь от смеха и в то же время все это удивительно до ужаса. Неужели она умеет так себя вести? Наверное, стоило мне быть пожестче. И хотелось быть пожестче, но ради мамы многое терпела.

– Алина не может подойти к телефону. Она занята.

– Милый, кто там? – спрашиваю тихо, вроде как издалека. Сама зажимаю рот, чтобы не рассмеяться.

– Это по работе. Не беспокойся, моя сладкая.

От последней фразочки мне еще смешнее. И я начинаю подхрюкивать в ладошку, представляя тетушкино лицо. Спасает от истерики меня только стук в дверь.

– Ужин в номер, – говорит горничная. – Куда поставить

шампанское?

Я слышу возмущенные тетушкины вопли и мне страшно интересно, что же она там такого говорит, но Роман удаляется, дает указания и возвращается уже без телефона.

И футболку стаскивает.

На мгновение перехватывает дыхание. Он очень красив. Не накачанной пластиковой красотой, а истинно мужской. Темный волос на груди и животе, под кожей которого проявляются мышцы, когда он немного его напрягает. Те самые пресловутые кубики. Сексуальные до дрожи в коленках.

Хочется поцеловать напряженный живот, попробовать его кожу на вкус.

Отставив бокал, немного привстаю. Рот наполнен слюной, во взгляде поволока. Меня дико накрывается. Хочу его страшно. И прямо сейчас.

Касаюсь рукой бедра, сжимаю мягкую ткань, тяну вниз.

– Какая горячая девочка, – шепчет он севшим вдруг голосом.

И это неожиданно заводит еще сильнее. Это я так на него повлияла! Я!

– Иди ко мне...

В следующую секунду он уже рядом. Погружается в воду, притягивая меня на себя. Ванна просторная, но вдвоем не очень-то удобно, мы немного возимся, устраиваясь.

Роман берет мочалку и наносит на нее густой гель, сжимает до белых хлопьев пены, затем начинает намыливать мое

тело, особенное внимание уделяя груди.

Смотрю на то, как он любит мягкими окружающими, сжимает их в ладонях, играет сосками. Ловкие пальцы спускаются вниз, намыливают самую интимную часть моего тела, да так, что у меня искры в глазах.

– Ты моешь или...

– Совмещаю, – довольно мурлычет он, продолжая ласкать нежные складочки. – Ты нереально красивая. Везде.

Он смотрит туда, где соединены наши тела, и я закусываю губу, понимая, что он имеет в виду. Таких комплиментов мне еще не делали, но их безумно приятно слышать.

– Я... тоже хочу тебя...

– Можешь не заканчивать. И мыть, и соблазнять – все можно, – посмеивается мужчина, член которого мягко бьет по попе, намекая, что он тоже на все согласен и желательно побыстрее.

Улыбаюсь. Закрываю глаза, млея от движений его пальцев. Они скользят без сопротивления, потому что я очень послушная девочка. Сказали возбуждаться – значит, я уже в полной боевой готовности.

Почему-то в его руках ужасно приятно подчиняться. И я не анализирую, просто делаю то, что нравится.

Сдвигаюсь вниз. Так, чтобы его красивый твердый член оказался в моем доступе. Выливаю гель на ладони, растираю его, взбивая небольшую пену.

– Моя очередь, – произношу, задыхаясь.

Меня легонько потряхивает. Он почти довел меня до оргазма одними лишь прикосновениями, но страшно не хочется вот так быстро кончить. Игра только началась.

Я мою его старательно, но бережно, и он становится все тверже и красивее. Головка задорно торчит над водой и я не сдерживаю себя, наклоняюсь и целую ее, скольжу языком по гладкой нежности.

Роман приподнимает бедра, позволяя взять его в рот. И тут же убирает, прячет от меня под водой этого красавца.

– Отдай! – требую возмущенно.

– Иди сюда.

Он подхватывает меня под бедра и тянет на себя. Вцепляюсь в широкие плечи, закрываю глаза, тяну протяжно “о-о-о”, когда он вторгается в разгоряченное тело.

– Ты такая узкая, – восторгается он, начиная двигать бедрами. Так, что вода начинает подбираться к краям.

А меня и саму штормит. Сжимаю мышцы, выгибаюсь, активно двигаюсь, помогая ему задать нужный мне темп. И улетаю почти сразу, не в силах сдержать крик.

Мне так хорошо, что некоторое время лежу на нем, приходя в себя, улавливая последние нервные импульсы.

– Прости. Я такая быстрая.

– Прекрасная, – шепчет он, целуя меня в щеку. – Мне нравится, что ты не сдерживаешь себя. Ты очень красиво кончаешь.

Вмиг покрываюсь краской. Столько комплиментов в один

вечер – и все на одну тему. Новые для меня. Но такие неприлично-сладкие.

Мы выбираемся из воды не сразу. Я вообще заметила, что Роман никогда не торопится и все делает основательно, последовательно. И мне это нравится.

Меня бережно вытирают с ног до головы, помогают отжать намокшие волосы. У груди, к которой мужчина совершенно очевидно равнодушен, он, конечно, задерживается надолго. И вслед за полотенцем сосков касается горячий язык.

Он быстро и часто бьет по соску, затем нежно обводит ареолу, и только после этого засасывает грудь, немного сжимая. И это так неожиданно приятно, что я вновь чувствую горячую тяжесть внизу.

Полотенце скользит к ягодицам, бедрам, коленям. Роман опускается, целуя мой живот, рисует языком стрелочку от пупка вниз, на несколько мгновений касается клитора.

Охаю. Цепляюсь за его шевелюру. Прижимаю голову назад, когда он хочет отстраниться. Но не выходит. Он смеется, поднимается и подхватывает меня на руки.

– Командую здесь я. Я победил дракона и теперь имею право... иметь принцессу, – говорит весело.

Не сразу понимаю, что речь про тетку. Я и думать про нее забыла!

– Что она тебе сказала?

– Она в Казани. У того отеля, в котором ты останавлива-

лась в прошлый раз, когда была в командировке, – выдал он одновременно невероятное и совершенно неувидительное. – Злится, что на ресепшене ее послали, не сообщили, какой твой номер и не позволили заселиться.

Меня усаживают на кровать, взбивают подушки, чтобы удобнее было сидеть, накрывают одеялом. Чувствую себя куклой, но не сопротивляюсь. Пусть командует. Пока меня все устраивает.

Глава 6. О женской хитрости

Роман приносит из ванной бокалы и бутылку с вином, затем расставляет свечи. Притом, в отличие от меня, предусмотрительно ставит под них блюдца. Можно не переживать, что спалим гостиницу, и заниматься более интересными вещами, чем наблюдение за фитилем.

– Она всегда столь беспардонно лезет в твою жизнь? – интересуется он.

– Пытается. Я сопротивляюсь. Но отношения портить сильно не хочется. Из-за мамы.

– Думаю, твоя мама от нее устала не меньше, – замечает Роман. – Извини, что лезу с непрошенным советом, но промолчать не могу. Нахожусь под сильным впечатлением от знакомства со столь одиозной фигурой. Не позволяй таким людям руководить твоей жизнью. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Твоя жизнь только твоя. Если нужно поругаться и послать ее... лесом, – не стал ругаться мужчина, но было видно, что едва сдержался. – Сделай это. Без чувства вины. Пиявок не жаль.

– Ей подходит это прозвище. – Делаю глоток вина. – Хотя... нельзя так принижать заслуги пиявок, они хотя бы полезные.

Роман рассмеялся.

– Ты очень добрая, Алина. Мягкая, нежная, правильная.

Тебя хочется защитить.

– Не от тетки. Здесь я справляюсь. А вот шеф... Если честно, страшно бесит постоянно ездить отдуваться за его родню. Разве что эта поездка – исключение. Пока она мне нравится, – замечаю многозначительно.

– Мне тоже. Но я бы на твоём месте присмотрел работу получше. Или платят хорошо?

– Нормально платят. Но могли бы и больше. Честно признаться, уже не раз думала уйти, да все чего-то боялась. А ты?

– Я?

– Ну, где ты работаешь? Под Новый год ты тоже поехал в командировку.

– У меня свой бизнес. Много чем занимаюсь.

Смотрю недоверчиво. Номер у него такой же, как у меня. Полулюкс.

Он хмыкает.

– У тебя на лице все написано. Такая забавная. Я здесь с замом, с ним жена напросилась. Уступил им свой номер. И он, кстати, все равно не самый крутой. Форум ведь, все распродано давным-давно.

Мы болтаем, ужинаем, а после снова и снова занимаемся любовью. И мне нереально классно, и сладко, и волнительно. И раз за разом он неспешно и уверенно доводит меня до пика удовольствия. До радостных слез, счастливых вскриков, смущенных вздохов.

Но наутро я просыпаюсь и мгновенно покрываюсь красными пятнами, вспоминая, что я творила!

Совсем забыла о совести. И порядочности. И вообще!

Роман спит крепко и спокойно.

А у меня паника!

Быстро привожу себя в порядок, пару раз провожу кисточкой по ресницам и на цыпочках сбегаю из номера. Девочки на ресепшине соглашаются принять мой багаж и отправить его на такси по звонку, а также не выдавать меня мужчине, который непременно поинтересуется, куда сбежала его дурашка-Золушка. Им не привыкать.

Немного смущаюсь, но все же делаю ему заказ завтрака в номер. Маленький жест заботы. Мы так много энергии потратили, что я сама проснулась со страшным чувством голода, ему тем более потребуются калории.

И все. Прыгаю в такси и только меня и видели.

Очаровательный город изо всех сил пытается отвлечь меня от непристойных мыслей о бурной ночи, но я люблю красотами вполглаза, еще и заливаю его кофе, потому что снова не выпалась. На душе одновременно и тяжело и легко. И я сама не знаю, что чувствую.

Твердо знаю только одно – я не жалею о случившемся. Мне было слишком хорошо, чтобы испытывать сожаления.

Домой возвращаюсь в некотором напряжении. Почему-то кажется, что судьба вот-вот снова столкнет нас с Романом. Но на этот раз в купе я еду в гордом одиночестве, а когда при-

езжая домой совершенно ничего не случается. Только руководство пишет сообщения в мессенджер – ждет с отчетом, который, конечно же, нужно вот прям срочно сдать. Хотя читать его будут в лучшем случае после праздников.

Пошли все к черту! Моя жизнь только моя!

Первое, что я делаю – открываю специализированный сайт и заполняю резюме. Наливаю себе чашку чая и вспоминаю про волшебную визитку от приятного мужчины, который был так очарован моими познаниями. «Завадский Алексей Александрович» – гласит крупная надпись.

– Значит, Алексей Саныч? – кручу в пальцах лаконичный прямоугольник с именем и контактными данными. – Ну что ж...

Решительно отправляю ему электронное письмо с приложенным резюме. Вдруг этот человек все же не шутил.

Ответ приходит через минуту:

“Алина, весьма рад вашему сообщению. Если удобно, можете подъехать к нам завтра с утра. Начальник кадровой службы вас примет. Я свои пожелания высказал, о договоренности нашей сообщил. Прилагаю контакты, можете связаться напрямую и согласовать нюансы”.

Таращусь на экран.

Машу руками перед покрасневшимся лицом.

Делаю глоток чая.

– Офигеть, – только и могу выдавить из себя.

Минута прострации, и я набираю присланный номер.

– Здравствуйте, я... – внезапно тушуюсь, когда на том конце мгновенно отвечает строгий женский голос. Вдруг кажется, что это все-таки какой-то розыгрыш, но я беру себя в руки и уточняю: – Наталья Валерьевна? Я от Завадского. Вам удобно говорить?

– Алина Павловна? Да-да. Я ожидала ваш звонок. – Голос на том конце становится на градус приветливей.

Закончив достаточно продолжительную беседу, кладу трубку с ощущением нереальности происходящего. Да, меня пригласили на беседу-знакомство, и все звучало так, будто дело решенное, и я без пяти минут начальник рекламного отдела «Буян-Медиа».

– И что, вот так просто? Да быть того не может!

Сжав мобильник и зажмурившись, издаю международный звук радости: «И-и-и-и!»

Хорошо, что строгая и деловая Наталья Валерьевна сейчас не видит мои гримасы, всклокоченную гульку и домашнюю пижаму с детским принтом. Почему-то ее я представляю высокой стройной блондинкой в модных очках и с поджатыми губами.

Интересно, оправдаются мои фантазии, или нет?

Все еще пребывая в легкой прострации вбиваю в поисковик название компании. Увидев размер уставного капитала, издаю присвист. Оказывается, «Буян-Медиа» входит в состав крупного и известного не только в стране, но и за рубежом холдинга. То-то зарплаты у них такие внушительные! И

визитки дорогушие.

Чем дальше, тем интереснее.

Ближайший час ищу информацию о деятельности компании, запоминаю все, что может пригодиться на собеседовании. Негоже будет заявиться, совершенно ничего не зная о месте, где планирую работать. Статей хватает и все размещены в крупных специализированных журналах или на экономических сайтах, никаких скандалов вокруг.

Внушительно, однако.

Может, их акции прикупить? Хоть немножко. Потом потихоньку докупать буду. Сейчас выйду, подниму им продажи, разбогатею со временем. Нужно непременно изучить вопрос, интуиция подсказывает, что дело прибыльное. Жаль, не на старте, но и рисков нет или почти нет.

Меня отвлекает трель звонка. Шеф... С неожиданным отворачиванием гляжу на экран, и после пятого гудка нехотя снимаю трубку.

– Алиночка? Алина, ну как? Я уже в курсе, что все прошло великолепно. Жду завтра с отчетом. И это... Заскочи, пожалуйста, в офис, не отправляй так.

– Кирилл Сергеевич, но завтра же суббота! И, вообще, вы мне отгул обещали! – возмущаюсь я, умолчав, что послезавтра – в воскресенье – Новый год.

– Алина-Алиночка, Алин-на! – настойчиво пропевает мое имя директор.

Это плохой знак. Означает: «Ты не права по всем статьям

и будут последствия, если вздумаешь артачиться». Я успела выучить все эти его шифры за годы работы, вот только сейчас мне впервые на них все равно. Абсолютно по-барабану! И так легко и светло становится на душе, что я улыбаюсь. Но ругаться до увольнения не хочется, а потому захожусь нарочитым кашлем и сдавленно выдаю в трубку:

– Я перезвоню!

Удивляясь собственному коварству и находчивости выжидаю пятнадцать минут, представляя, как пыхтит и краснеет шеф, который терпеть не может, когда что-то идет не по его, и особенно не выносит, когда собеседник первым кидает трубку, а затем перезваниваю.

– Кирилл Сергеевич... – начинаю дрожащим слабым голосом.

– Алина, ну, наконец-то! Ну, какой еще отгул может быть в такое-то время? О чем ты? Забыла, чем занимается наша организация? Новый год на носу, самая горячая пора! Продажники с ног сбиваются, от клиентов нет отбоя, но и конкуренты не дремлют! – плюется слюной в трубку шеф. – А у тебя все какие-то причины! «То ночь, то выходные, понимаешь ли!» – как говорил мой первый начальник. Царствие ему небесное. Ха-ха! Сгорел на работе.

– Как сгорел? В пожаре? – удивляюсь я.

– В каком еще пожаре? Обычный инфаркт! – отмахивается шеф. – Так вот. Завтра в семь утра, чтобы как штык!

Едва сдерживаю возмущенное пыхтение и, в конец осме-

лев, заявляю:

– Кирилл Сергеевич, завтра я не приду.

«Потому что пойду совсем в другое место», – добавляю мысленно. другое место, но об этом ему знать не обязательно.

– Не придешь? Это еще почему?! – почти орет на меня шеф.

– Я заболела. В Питере такая лютая зараза ходит... – Снова отвлекаюсь, чтобы нарочно покашлять. – Горло болит, кашель страшный, температура тридцать девять и пять и... Простите, Кирилл Сергеевич, за подробности, с белым другом обнимаюсь раз в пятнадцать минут. Нет-нет! Я из дома не выйду и не просите даже!

Радуюсь, что больничный он с меня не потребует. Официально у меня выходные. Похоже, шеф это тоже понимает. . – Всю эту тираду я выдаю с интонациями человека, который едва способен говорить. На том конце возникает красноречивая пауза, и я добиваю:

– Соседка, что со мной в купе ехала... О... Сразу же заразилась! Наверное, иммунитет наверное плохой. Меня еще только мутить начинало и горло побаливало, а она со мной чай попила,, подышала, и все...

– И все? – эхом повторяет шеф, и его голос становится звучит настороженно.

– Угу. Все... – неопределенно соглашаюсь с ним я, представив додумать последствия.

Я знаю, куда бить. В прошлом году после новогодних праздников Кирилл Сергеевич подхватил подобную заразу и едва коньки не отбросил. На радость своему зятю. Ему даже в инфекции полежать пришлось, так что теперь как огня боится всего, что напоминает ротавирус.

– Я понял, Алиночка. Я понял... – тянет он разочарованно. – Тогда, конечно. Лечись. Хорошо, что Валера на эту конференцию не поехал. Точнее, жаль, что Валера не поехал. Ты здесь была бы нужней... – не слишком искренне сетует он. – Если полегчает, попробуй все-таки к утру отчеты сделать.

– Я постараюсь. Костьми лягу...

– Костьми не надо. Ха-ха. Но ты постарайся. Всё. – Шеф бросает трубку, как обычно, не прощаясь.

– И вы не хворайте! – желаю уже в никуда, довольно улыбаясь.

Иду в спальню и падаю на кровать, раскинув руки, и не веря, что отвязалась. К слову, основу отчета я подготовила еще в поезде. Надо же было себя чем-то отвлечь и занять от мыслей о Романе. Но отправлять прямо сейчас его не собираюсь, а вот до ума доведу, чтобы к завтрашнему дню все было готово. А потом спать, спать и спать. Завтра на собеседовании я должна быть во всеоружии, а не с черными кругами под глазами и литром кофе в желудке.

Отчет шефу я все-таки отправляю, совесть не позволяет подвести не столько его, сколько коллектив. Да и работником я была обязательным, исполнительным. Ни к чему пор-

тить репутацию под конец. Но в сопроводительном письме написала четко, что в офис точно не приеду.

Телефон ставлю на беззвучный режим – не хочу тратить энергию на объяснения и отговорки. Сегодня суббота – выходной день у нормальных людей.

Уже на полпути в офис “Буян-Медиа” понимаю, что на собеседование я тоже еду в субботу, значит, и там выжимают сотрудников. Но размер обещанной зарплаты и то, что в нашей сфере Новый год – действительно самый активный период, немного сглаживает эмоции.

Может, здесь за работу в выходные дни и праздники платят, кто знает? Не буду настраиваться на негатив.

Я думала, офис такой крупной компании будет находиться в Сити или других известных деловых центрах, но оказалось, что компания “Буян-Медиа” не мелочится и выкупила или арендовала в центре города величественный особняк с уютной небольшой территорией, где сейчас стояло несколько весьма солидных машин. И такси, конечно, на эту волшебную-заснеженную территорию не пустили, потому что эконом, а не бизнес, наверное.

Поправляю воротник, радуясь, что оделась не просто в качественную, но и дорогую одежду, памятуя народную мудрость, что встречают у нас именно по внешнему виду.

Отлично впишусь сегодня. Но для постоянной работы гардероб придется обновить. Не так много у меня дорогих вещей. Зато квартира своя. С почти выплаченной ипотекой.

Нервно облизываю губы. Тут же утираю их перчаткой. Зима на дворе, обветрятся еще.

Интересно, будет ли у меня возможность хоть немного привести себя в порядок? Снегопадище такой, пока дойду до порога, буду напоминать Снегурочку в своей белой шубке с серебристым шарфиком.

Стоит подойти к воротам, как навстречу выходит солидного вида молодой охранник в бронежилете.

– Добрый день. Представьтесь, пожалуйста, – вежливо, но безапелляционно требует он.

– Алина Павловна Радская. Я на собеседование к Наталье Валерьевне, – представляюсь, машинально опуская руку в сумочку, чтобы достать паспорт.

– Вас ожидают, – на порядок гостеприимнее сообщает парень и только тогда открывает для меня калитку в воротах. Кажется, ему понравилось, что я готова была продемонстрировать документы, а не начала спорить.

– Благодарю вас. С наступающим!

Как я и думала, к порогу подхожу уже в виде небольшого и, надеюсь, симпатичного сугроба. Территория здесь такая сказочная и красивая, что невозможно бежать сломя голову, взгляд цепляется то за елочку, то за скамеечку вдали, то за красивую, наверняка увитую зеленью летом беседку. Да и времени до встречи еще вдоволь. Рановато я приехала.

– Перед смертью не надышишься, – произношу и решительно поднимаюсь на порог, где под козырьком убираю с

одежды и волос снег, насколько это возможно.

Меня встречает миловидная, строго одетая секретарь, провожает в небольшую гардеробную, помогает с одеждой и даже включает аппарат для чистки обуви, подсказывая, как им пользоваться.

– Благодарю вас. Как думаете, будет уместно, если я переобуюсь? Взяла на всякий случай туфли, – спрашиваю у нее.

– Ох, это будет великолепно! – искренне радуется она. – Мы в выходные обходимся без кофе-леди и уборщицы, приходится мне хозяйничать. Оставляйте все смело здесь, у нас абсолютно безопасно.

– Замечательно.

– Если вам нужно поправить макияж, гостевая дамская комната совсем рядом, вторая дверь справа. Наталья Валерьевна ждет вас на втором этаже. Ее кабинет в левом крыле, с табличкой, но если хотите, я провожу.

– Нет, спасибо, найду.

– Я сообщу, что вы подошли, минут через... семь?

Девушка смотрит вопросительно, и я киваю, хотя в глубине души хочу попросить об отсрочке. Еще несколько минут! Маленькая передышка! Еще немного нервного ожидания.

Но не позволяю себе слабости.

Я все еще под впечатлением от дорогущего офиса, безупречно вышколенного персонала и заботы о гостях. Как резко это контрастирует с моим нынешним офисом – словами не передать.

Кабинет руководителя кадровой службы нахожу без труда. И почему-то совсем не удивляюсь, что на пути мне встречается немало народа. Все доброжелательно улыбаются и здороваются, но видно, что бегут по делам. Сосредоточенные.

Из каждого угла слышится волшебное слово “премия” и то ожидание, что витает в воздухе, настолько концентрированное, что кажется, будто ее ожидают куда сильнее, чем новогодние праздники.

Улыбаюсь этой мысли. Но расслабиться не успеваю – меня приглашают в кабинет.

Собеседование длится недолго и я совсем не удивляюсь, когда Наталья Валерьевна, которая выглядит точь-в-точь, как я себе представляла, разве что на пару лет старше, достает из верхнего ящика стола папку с моим именем. Толщина личного дела поражает воображение, и у меня брови лезут вверх. Кажется, они знают обо мне все.

– У меня нет вопросов к вашей компетентности, Алексей Александрович оценил вас, как отличного специалиста в своей отрасли. Собранная нами информация подтверждает его выводы.

– Благодарю, – выдавливаю в сильном смущении.

Интуиция криком кричит, что сейчас случится какая-то жесть, и я к ней не готова. Почему-то вспоминается сладкое безумие в ночном поезде. Неужели они и это развели?

Я раз в жизни дала слабину!

Ну, два.

Но с одним и тем же человеком!

Если что, скажу, что влюбилась с первого взгляда и со мной такое впервые.

Хотя о чем я? Не будут они задавать настолько личные вопросы!

Ведь не будут же?!

Ладони увлажняются, и я жалею, что надела светлое, а шарфик оставила в гардеробе. Мысли прыгают с одного на другое, напряжение возрастает.

Я понимаю, что Наталья Валерьевна нарочно ввела меня в такое состояние. И, случись наша встреча неделей ранее, сидела бы спокойно и величественно, бровью не вела бы. Но сейчас дергаюсь. А не стоит.

Делаю глубокий вздох.

Я справлюсь. Не стану сразу отвечать. Подумаю. Соберусь с мыслями, если понадобится. Водички выпью.

Какая водичка? На стакане останется след запотевшей ладошки. Нельзя!

– Ваша консьержка сообщила, что вам не чуждо детское поведение. Недавно вы сбегали от гостей по черной лестнице. Неужели правда?

Брови Натальи Валерьевны сошлись на переносице осуждающе. А я вдруг выпрямилась и расслабилась. И перерыва не стала брать. И лгать тоже. Все равно они уже все знают.

– Чистая правда. Ко мне без предупреждения нагрянули

родственники праздновать новогодние праздники. Я уезжала в срочную командировку и не собиралась тратить время на людей, которые не уважают мою территорию, жизнь и личное время, – отвечаю твердо.

Идеально выщипанные брови Натальи Валерьевны ползут вверх так же, как недавно мои. Затем лицо вдруг расслабляется и она позволяет себе улыбку.

– А вы с характером.

– И креативная, – добавляю, не смущаясь.

– Я выросла у моря и вы не представляете, как хотела сделать то же самое с раннего детства. Каждое лето к нам заявлялись все: родственники, друзья родственников, знакомые знакомых. Жуть! – поделилась женщина в сердцах.

– Прекрасно вас понимаю. Я, наконец, купила свою квартиру и получила возможность исполнить заветную детскую мечту. Было бы времени немного больше, еще бы поговорила. Но пришлось спасаться бегством. До поезда оставалось слишком мало времени.

Мы улыбаемся, как добрые знакомые, после чего Наталья Валерьевна сообщает, что я принята, зарплата на испытательный срок будет немного меньше, но после – именно та, что озвучил мне Завадский. А еще обязательная тринадцатая зарплата в конце года и, если заслужу, премия.

– Ну и, я надеюсь, вы понимаете, что во время проектов у вас нет выходных и праздников? – интересуется Наталья Валерьевна тоном, не подразумевающим отрицательный ответ.

– Понимаю.

– Вот и замечательно. Если что, у нас выходные оплачиваются в двойном размере, а новогодние праздники – в тройном, что очень приятно сказывается на годовой премии, – заговорщически делится женщина, которой я явно понравилась. – Когда вы сможете выйти на работу?

– Мне нужно закончить один проект и передать его коллеге, ну и написать заявление на увольнение. Сразу меня не отпустят.

– Значит, сделаем так! – Дама поднимается и идет к двери, ведущей в смежный кабинет, приоткрывает ее: – Эля, у нас новенькая, возьми документы. Оформляй ей выход сразу после нового года и подготовь больничный для старого места работы на весь январь. С санаторно-курортным лечением. Очень сильно она болеет. Сама понимаешь, воспаление хитрости быстро не лечится. Нужны минеральные ванны, свежий воздух, покой.

Невысокая черноволосая девушка выскакивает из кабинета, в два счета оказывается рядом, забирает у меня папку и скрывается в своем кабинете – только ее и видели.

– Успеет? Праздники ведь, – спрашиваю, удивленная такой скоростью решения моего перехода с места на место.

– Ты не знаешь наше руководство – шефа и зама. Два монстра. Они не знают, что такое слово “нет”, так что у нас связи везде, где только можно. Для нас все всегда работают. И мы не ленимся. Или ты думала, что Алексей Александрович –

милый душечка?

– Ну, по нему видно, что он профессионал. Но он так располагает к себе, что да. Я подумала, что он душечка, – деликатно отвечаю я. – Очень меня хвалил после выступления на форуме. Засмущал, прямо.

– Он такой, да, – с гордостью произносит Наталья Валерьевна, будто это она лично научила его влезать под кожу. – Ничего, не бойся. Просто хорошо работай, помалкивай и не крути ни с кем шашни. Кстати, если проработаешь пять лет без декрета, от компании получишь на роды солидный подарок.

– Я так много работаю, что продержусь дольше, – шучу, но становится немного грустно.

– И отлично. Дам тебе хороший совет: отдохни в праздники. То, что ты новенькая, не даст тебе поблажек. Сразу завалят работой.

Я искренне благодарю не такую уж страшную по факту женщину, и после оформления документов и подписания их у добродушного, как Дед Мороз, Завадского, возвращаюсь домой, где сразу пишу заявление на увольнение, а также сообщая, что с сегодняшнего дня нахожусь на больничном. После чего со спокойной совестью собираю чемодан и заказываю билеты, чтобы встретить праздник с родителями – впервые за несколько лет. Обычно я столько работала, что не успевала к ним и встречала праздник как придется – то с коллегами, то с друзьями, а один раз и вовсе так устала, что

легла спать.

Рабочий ноутбук, конечно же, взяла с собой. С любой работы уходить нужно по-человечески, насколько это возможно.

Эх, Кирилл Сергеевич, конечно, крови напоследок попьет у меня. Но... дело почти сделано!

Глава 7. О неожиданных встречах

Пробки перед Новым годом – это нечто феерическое. Только что их не было – и вот весь город стоит, карты изрезаны красными и бордовыми линиями, а время до вылета стремительно сокращается.

Радуюсь, что не сообщила родителям, что прилечу, потому что, судя по всему, уже никуда не успею, а на завтра билетов нет. Я и так чудом урвала последний в нужном направлении.

На что надеюсь – непонятно, но ерзаю на сидении до самого аэропорта, нервно поглядывая на часы.

– Вы пешком быстрее добежите, – подсказывает водитель такси.

Через минуту я уже шагаю с чемоданом в зубах к терминалу прямо по дороге, развлекая пассажиров стоящих здесь же машин. К стойке регистрации лечу, как заправский спортсмен, и столь же невероятно, как в фильмах, где на последней минуте, когда никто уже ничего не ждет, герой забивает гол или достигает иной цели, успеваю оформить багаж и получить посадочный талон.

Дышу, как загнанная лошадь, но довольна собой. Покупаю водичку, осушаю всю бутылку разом, прохожу контроль в зону вылета. Теперь можно немного успокоиться. Я успела!

Пью кофе в маленьком кафе, слушаю новогоднюю музы-

ку, настраиваясь на праздник, гуляю по дьюти-фри, но когда подхожу к своему выходу на посадку, с удивлением не обнаруживаю там ни одного человека.

С легким трепетом смотрю на табло.

– Задержка рейса?

На час – это, конечно, не смертельно. Кроме того, задерживают не только мой рейс, но и другие. Иногда наушники – зло, все пропустила, наверняка ведь сто раз повторяли нужную информацию.

За окном метель, и я понимаю, что, кажется, кто-то нагло врёт, и мы улетим еще нескоро. Как опытный путешественник не жадничаю и покупаю доступ в бизнес-зал, набираю еды и кофе, достаю ноутбук. Раз уж придется ждать, хотя бы проведу время с пользой, в тепле и комфорте.

Отчет за отчетом, справка за справкой, письмо за письмом – я успеваю переделать все дела, а рейс все переносят и переносят. Будто нарочно его задержали, чтобы я поскорее расквиталась со старой работой и в новый год вошла без груза невыполненных задач.

Решаю немного поспать, но свободных комнат уже нет.

Авиакомпания нагло врёт, что нас вот-вот отправят, но пассажиры вынуждают назвать реальное время вылета и требуют горячее питание и отель.

Начинаю тоже потихоньку накаляться. А когда слышу, что вылет будет не ранее семи утра, и вовсе злюсь вместе со всеми. Хорошо, хоть вылет тридцать первого декабря, а не пер-

вого января! Успеваю!

Но в семь утра мы не улетаем, а идем на завтрак в отеле, слушаем очередные обещания менеджера, злимся, к обеду едем в аэропорт. Я уже познала дзен, посчитала, что успеваю доехать до родителей, если вылечу до семнадцати, потому сижу читаю новости, смотрю фильмы и... узнаю, что мы все еще никуда не летим!

Аэропорт набит битком, дышать нечем. Я всерьез думаю вернуться домой и встретить праздник в сонной неге. Как вдруг в толпе вижу знакомое лицо. Роман!

И он тоже сразу меня замечает. Идет, разрезая толпу, словно крейсер.

– Алина, – произносит с чувством и обнимает так, словно мы давние знакомые. Целует в щеку, затем задерживается на мгновение, вдыхает мой аромат, целует шею. – Я скучал, Золушка.

Смеюсь. Действительно, Золушка.

– Я туфелек не роняла.

– К моему большому сожалению. И лучше бы ты обронила визитку, – смеется он в ответ. – Тоже застряла здесь?

– Ага. Со вчерашнего дня.

– Ужас какой. Устала уже, бедная.

– В отеле попала, так что в целом нормально. А ты давно здесь?

– В отеле, говоришь? – Роман смотрит заинтересованно и явно думает не о бесстыжих авиалиниях, которые не могу

честно сказать, что вылет задерживается еще на сутки, ведь тогда им придется много чего делать для пассажиров, вот и тянут время по-дурачки.

Киваю.

Сама поражаюсь, что настолько рада его увидеть. Эта встреча, уже третья, кажется еще более нереальной, чем первые две. Так, словно судьба нарочно нас сталкивает...

По телу прокатывается волна мягкого тепла, расслабляя мышцы, заставляя улыбаться.

– Знаешь, есть у меня подозрение, а также сведения от облеченных властью людей, что все вылеты задержат еще на сутки.

– А вдруг нет?

– Не праздновать ведь Новый год в аэропорту. Поехали в отель? Мне доложат, если вдруг твой или мой рейс вдруг решит отправиться раньше. Только номер скажи.

Мы стоим в душном, набитом недовольными людьми помещении, смотрим друг на друга и оба прекрасно понимаем, чего хотим. И это не возвращение домой и празднование с теми, к кому удастся спонтанно напроситься в гости.

Отчего-то смущаюсь. Краснею и снова киваю. Роман берет меня за руку, отбирает ручную кладь и выводит на улицу, где уже ждет машина от отеля.

Пять звезд.

А он не мелочится. А в Питере жил в простом номере. Странно.

С другой стороны, Новый год. Хочется провести его максимально комфортно.

Номер огромный и уютный, с огромной ванной-джакузи, которую для нас уже наполнили и даже поставили рядом столик, на котором гордо красуется шампанское в сверкающем ведре со льдом.

– А ты времени зря не терял, – говорю, снимая шубку и сапожки. – Был уже здесь?

– Я много летаю, потому доводилось. Кроме того, помню, что у тебя пуптик на чистом теле. Никакой спонтанной страсти. Хотя очень хочется.

Хмыкаю, как девчонка.

Есть такое, да.

Меня в два счета раздевают и помогают улечься в ванне, нажимают волшебную кнопку, запускающую гидромассаж. И мне так хорошо, что глаза сами собой закрываются от блаженства. Хочу мурлыкать кошкой. Но открываю глаза и люблюсь мужчиной.

– Спать я тебе не дам, – предупреждает уже обнаженный и сильно возбужденный Роман.

Легкий хлопок, приятное уху шипение, бульканье – и в моих руках запотевший бокал ледяного шампанского. Делаю глоток. Пузырьки приятно щекочут нос.

– Ради этого стоило сутки проторчать в аэропорту.

– Жаль, мы не встретились еще вчера, – многозначительно произносит мужчина.

Он погружается в воду, делает глоток шампанского и тут же отставляет свой бокал в сторону, тянет меня на себя, усаживает на бедра. Обнаженный член торчит над водой между нами, и я поневоле облизываюсь и закусываю нижнюю губу, хотя прежде не была фанаткой орального секса.

– Ты еще красивее, когда возбуждена, – севшим голосом произносит Роман и тянет меня ближе, так, чтобы захватить сосок в горячий плен.

Он нежно покусывает мою грудь, продвигаясь выше, скользит языком по шее, прихватывает мочку уха, аккуратно перемещает мое тело так, чтобы оно идеально состыковалось с его. Но я лишь дразню его мягкими движениями, не пуская внутрь.

И вдруг понимаю, что постанываю от удовольствия.

Замираю.

– Не сдерживайся, – командует Роман. – Здесь хорошая звукоизоляция.

Тело горит огнем, плавится в его руках. Чуть шершавые мужские пальцы находят под водой средоточие моей женственности, нежно касаются, вызывая шквал эмоций. Сама нанизываюсь на его пальцы, делаю несколько движений бедрами.

Грудь стоит колом, напряженная, жаждущая его прикосновений.

Я цепляюсь за широкие плечи, вонзаюсь ногтями в упругую кожу, сжимаю мышцы вокруг его пальцев, и захожусь

мелкой дрожью подступающего оргазма.

– Нет, моя хорошая. Не так, – шепчет Роман и в следующее мгновение ощущаю бесконечную пустоту там, где только что было влажно, горячо и так прекрасно, что мушки до сих пор летают перед глазами.

– Рома! – требую капризно.

– Вот так, моя сладкая, – приговаривает мужчина, приподнимая меня и аккуратно проникая огромным напряженным членом туда, где я больше всего его ждала. Где жаждала, хотела, горела.

Он делает несколько резких движений и я улетаю в подпространство. Кричу, хватаю его за плечи, бью кулачками, плачу.

Тело пронзают электрические импульсы, не позволяя взять его под контроль даже после сумасшедше-яркой вспышки. Цепляюсь за ручку на ванне, сжимаю ее так, что белеет перед глазами.

Я где-то далеко-далеко.

Опадаю на грудь Романа, чувствую, как он нежно гладит мои волосы, а еще ощущаю, что в отличие от меня он вновь не позволил себе достичь оргазма. Уступил даме первенство.

Из ванны мы выбираемся очень нескоро, дурачимся, кормим друг друга и болтаем о каких-то глупостях. Когда в дверь кто-то случит Роман делает страшные глаза и шепчет, не принесло ли вдруг сюда мою вездесущую тетушку.

Конечно, это принесли очередной заказ, но мы хохочем

до слез.

– Кстати, она может, – выдаю, утирая уголок глаза.

– Я почему-то в этом не сомневаюсь! – поддерживает Роман, возвращаясь от двери с огромной коробкой.

Мне безумно интересно, что он там купил, еще и повязанное бантом, потому всматриваюсь в коробку, не сразу замечая, что она не одна. Подмышкой у мужчины зажата еще одна, обернутая специальной матово-белой бумагой с золотистым логотипом, который я не узнаю. Что-то брендовое, но не широко известное, а, судя по всему, настоящий люкс.

Смущаюсь.

Но любопытство сильнее меня.

– Не ругай меня, но я взял на себя смелость купить тебе наряд на праздник. Не в халате ведь встречать, а твои вещи в аэропорту, – объясняет мужчина. – Хотя бы в ресторан спустимся к елке, выпьем шампанского и по мандаринке съедим. Здесь шоу-программа, нам поставят отдельный столик.

Меня немного тревожит то, как легко он тратит деньги, тогда как в Питере спокойно довольствовался скромным номером. Но я не чувствую себя вправе уточнять, что к чему. Мы не настолько близко знакомы. Точнее... Мы лишь временные любовники. Попутчики. Я ему никто и прав на распросы не имею.

Не позволяю грусти отразиться на лице. Напротив, улыбаюсь и киваю, тяну руки к сверткам. Привиде изумрудного платья восторженно ахаю и прижимаю ткань к груди. Хочет-

ся надеть его прямо сейчас. Но мужчина заслужил небольшое представление.

Беру коробку с туфлями, платье и удаляюсь в ванную, где наряжаюсь и прихорашиваюсь. Подсохшие локоны довольно удачно рассыпаются по плечам, дополняя образ. Я довольна собой, и с гордо поднятой головой выхожу и красуюсь перед Романом. Ногу ставлю так, чтобы она пикантно показалась в разрезе, но не оголилась целиком.

– Потрясающе! – шепчет он.

Кажется, у него даже сел голос.

– Спасибо тебе огромное! – искренне благодарю его.

Сто лет не надевала такой волшебной прелести. Кружась, провожу руками по телу, обводя изгибы.

– Ты достойна самого лучшего. – В его глазах восхищение и страсть.

Я уже достаточно хорошо знаю этого мужчину и его дикий напор. Сама быстренько стягиваю платье, чтобы оно выжило, и остаюсь в кружевном комплекте и лаковый черных туфельках на высокой шпильке. Смотрю с вызовом.

– Иди сюда, – зовет Роман, откидываясь на подушки и отставляя бокал с шампанским. – Ничего больше не снимай.

И так смотрит, что тело мое тут же отзывается, наполняясь жаром.

Иду к нему неспешно и плавно, немного виляя бедрами. Руки тянутся к отяжелевшей от желания груди, и я прикасаюсь к ней легкими движениями, а затем вдруг останавлива-

юсь, достаю грудь из чашечек и начинаю играть с сосками.

– Алина!

Если бы в моем имени была хоть одна буква “р”, раздалось бы рычание.

Но я уверена в себе, дерзка и раскована. Сжимаю грудь, направляю ее в сторону возбужденного до чертиков мужчины, шаловливо пританцовываю.

– Сюда! – велит он.

– Даже не знаю, – тяну, изнемогая от желания.

И поворачиваюсь к Роману спиной, зная, что моя нижняя часть выглядит просто великолепно в кружевном безобразии, которое я не так давно себе купила просто, чтобы напомнить, что я работаю не только ради ипотеки, но и для себя любимой. Как удачно, что сегодня я именно в этом комплекте, а не в удобном хлопковом, которое обычно надеваю в полет.

– Ты охрнительно аппетитная. Но сейчас я хочу отшлепать тебя по этой великолепной заднице и укусить ее!

Тихонько смеюсь.

Ох, как ему не нравится, когда я не подчиняюсь беспрекословно. И в то же время именно это и доставляет ему удовольствие.

Мужчины так противоречивы в своих пристрастиях! Впрочем, как и женщины.

Сейчас я была активной и шаловливой, но прекрасно понимала, что надолго меня не хватит.

Мне нравится его власть над моим телом. С удовольствием отдаю ему бразды правления, ведь он всегда приводит меня к цели, не позволяя заблудиться по дороге.

– Не уверена, что мне этого хочется, – говорю, активнее виляя попой, от которой он не может оторвать взгляда.

– Если ты сейчас же не подойдешь, мы это проверим на практике.

Он нарочито серьезно хмурит брови, но глаза смеются.

– Что-то мне подсказывает, мы в любом случае это проверим. Если столкнемся еще раз.

Оборачиваюсь и, мягко ступая, иду к нему.

– Разве ты не слышала поверье, Алина? Как Новый год встретишь, так его и проведешь. Я не собираюсь тебя отпустить.

И так это звучит... весело. Приятно женскому уху. И на сердце становится теплее.

Но есть одно но. В моих приоритетах, конечно, работа. Только вот, не хочу портить момент. Может, получится совмещать? Не буду сейчас об этом думать.

– Иди сюда, – зовет в очередной раз Роман, и я аккуратно усаживаюсь к нему на колени, планируя утолить свою жажду поцелуев. Очень уж красивое у него тело. Везде. Но меня тянут на себя.

Проворные пальцы отодвигают трусики в сторону и осторожным касанием проверяют готовность вторжения. Мои ноги широко разведены, потому я буквально ничего не могу

сделать, чтобы воспрепятствовать настойчивой ласке. И не хочу.

В следующее мгновение меня аккуратно берут за талию, приподнимают и направляют на возбужденный член.

Закрываю глаза. Губы трясутся.

Как? Как он это делает?

– Сейчас мы неспешно занимаемся любовью. Пару раз. Затем собираемся и идем в ресторан, – озвучивает наши планы Роман. – После праздника возвращаемся сюда и продолжаем. А наутро вместе едем в аэропорт. Не сбегает. Да, моя сладкая Золушка?

Его слова сопровождаются движениями бедер, и я уже плохо соображаю, но наш распорядок на ближайшие сутки мне очень нравится.

– Угу.

– Вот и замечательно, – говорит он прежде, чем в очередной раз отправить меня в подпространство.

А после мы чудесно проводим время в отеле, слушаем живую музыку, танцуем, целуемся под каким-то венком, даже отдаленно не напоминающим омелу. Как по мне, шишки – это точно не она! Но Романа не переубедить. Пьем шампанское, смотрим фейерверк и снова целуемся.

– С Новым Годом! – поздравляет, заглядывая в мои глаза, Рома. И протягивает небольшую коробочку из ювелирного, в которой оказывается красивая подвеска на тонкой цепочке. Это усыпанный изумрудами дракончик – символ года.

– У меня нет для тебя подарка, – шепчу смущенно.

– Ты – мой подарок, Алина! – отвечает мужчина, целуя.

И в эту волшебную ночь я отчего-то верю, что все так прекрасно и удивительно, что может быть правдой.

Только интуиция немного царапает.

Самую малость.

Но кто ее слушает, находясь в объятиях мужчины своей мечты?

После шикарной ночи он провожает меня на самолет – я улетаю первой. Целует и долго держит в объятиях.

– Золушка, ты же не станешь больше убегать, правда?

– Вернусь в Москву после праздников. Позвони мне, мой принц, – шутливо шепчу я, отчего-то смущаясь, как на первом свидании.

Да-да, на этот раз мы с Романом все-таки обменялись телефонами.

Уже значительно позднее, сидя во взлетающем самолете, понимаю, что так ни разу и не спросила о его семье. О том, чем он будет заниматься на каникулах. Даже не уточнила, куда он летит на праздники и почему один.

Так странно, мы достаточно разговаривали, но инстинктивно обходили личные темы. Будто боялись разрушить свой сказочный мир.

Хотя нет. Это я ни о чем не спрашивала, позволяя ему вести не только в сексе, но и в разговоре. Вот он обо мне уже знает многое, даже о тете Кате. Особенно о ней!

Непроизвольно улыбаюсь, думая о том, как нас сплотила борьба с общей угрозой. Хотя Романа она она и коснулась только косвенно.

И как это у него столь непринужденно получалось вытаскивать из меня сведения? Я ему и про работу, и про учебу в универе рассказала, и про непростую студенческую жизнь в общежитии. И про то, как подрабатывала. И про семью... Разве что про школьную любовь смолчала, да и то только потому что он не спрашивал, пожалуй.

Может, Рома – агент национальной безопасности?

А что, похож! Ему бы пошло. Сильный, серьезный, эрудированный... Красивый той самой brutальной мужской красотой, что весьма немаловажно для охмурения доверчивых дам.

Улыбаясь, кручу в пальцах подвеску-дракончика. Вещица, кстати, не самая дешевая. Выходит, зарабатывает хорошо. Хотя в Санкт-Петербурге жил в не самом крутом номере...

Неужели, он действительно спецагент?

Зеваю, прикрывшись ладошкой. И убираю подарок в сумочку. Лететь два часа, а я снова почти не спала ночью. Так что не буду тратить время зря – вздремну, если получится.

Снился мне, конечно же, Роман.

Глава 8. О домашнем уюте

Домой я все-таки попадаю, хоть и пропускаю новый год. Жалею ли я? Ни капельки! Новогодняя ночь прошла просто замечательно! Волшебно! Безумно, страстно, шикарно!

А как еще она могла пройти в компании самого идеального в мире мужчины?

Я сжимаю в руках подвеску и невольно улыбаюсь. Вообще-то я не принимаю столь ценные подарки от мужчин, с которыми меня ничего не связывает. Трудовой договор, например. Я бы не отказалась от подарка от компании. Но здесь иная история. И, если вдруг судьба не столкнет нас вновь, хочу оставить напоминание о первом в своей жизни настоящем романе. Сказочно-прекрасном. Волнительным. Головокружительном!

Снег хрустит под колесами такси, которое рыжей кошкой крадется по узким улочкам дачного поселка. Когда машина останавливается перед домом с зеленой решетчатой оградой я убираю подвеску в сумочку.

Выбравшись на улицу, оказываюсь в заснеженном царстве. Тут намного холоднее, чем в Москве, и я ежусь, жалея, что не намотала шарф. Нос и щеки пощипывает морозом, внезапный порыв ветра бросает в лицо колючие снежинки.

А я улыбаюсь, отмечая, как подросла пушистая елка у ворот. Мы сжали ее с мамой лет восемь назад или больше, ко-

гда они только сошлись с дядей Мишей. Сейчас, укутанная снежным убором, она вытянулась и выглядит такой большой и настоящей, что даже не верится.

Все-таки хорошо, что они вернулись домой сразу после празднования. База отдыха – это прекрасно, и родителям точно понравилось там отдыхать, мама буквально рассыпалась в восторгах. Но до чего же приятно не просто увидеть семью, а по-настоящему вернуться домой!

Водитель выходит, чтобы помочь мне с чемоданом, и от него валят клубы пара, а от веранды в незастегнутой шубке и без шарфа уже бежит мне навстречу мама.

– Алиночка! Ну наконец-то!

Обнимает и целует меня в обе щеки.

– Мама... – шепчу я, тоже крепко обнимая самого родного в мире человека.

Чересчур добрая, немного наивная, но самая лучшая! Ма-мочка!

Я на каблуках, и немного ее выше, но рядом с ней всегда ощущаю себя маленькой девочкой.

– Идем скорее, замерзнешь! Запахнись! – говорю ей, хотя сама выгляжу почти также.

– Смотри, Миш! Только приехала, а уже командует. Вот же характер! – ворчит мама, улыбаясь.

Дядя Миша – ее гражданский муж. Он ухаживал за ней с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, и только когда я уехала в Москву, мама приняла его предложение жить вме-

сте. А замуж не идет, вредничает. Подает мне плохой пример, как говорит дядя Миша.

Он тоже обнимает меня, но по-мужски коротко и крепко, забирает чемодан и идет сзади.

– А неплохо вы тут устроились! – замечаю, проходя в просторную гостиную на первом этаже.

– Да вот, Алиночка, ремонт же по-осени сделали. Полы теперь теплые, – смущается дядя Миша.

И правда, тут многое изменилось с тех пор, как я заглядывала в последний раз. Когда это было? Еще весной, кажется? Нет, в начале лета, когда я выпросила у шефа пару выходных после пахоты на майских праздниках.

Много лет мама и дядя Миша неспешно приводили в порядок эту дачу. Все что-то достраивали, перестраивали, и вот только по-осени как раз перебрались сюда из города, о чем давно мечтали. Я видела, как мама счастлива. Как хитро посматривает на мужчину рядом и будто молодеет на глазах.

– Идите, я вас обниму. Так соскучилась! – Приглашающе развожу руки для тройных обнимашек.

Дядя Миша стесняется еще больше, шепчет: «Дочка...» и я улыбаюсь от тепла и заботы, которой меня окружают с порога. Зовут за уже накрытый стол.

– Руки! Руки сначала помой! – принимается за свое мама. – А то у вас там в Москве столько заразы! Я по телевизору видела, что... – она что-то продолжает говорить, наполняя мне тарелку салатами, а я послушно иду в ванную.

Когда-то я обижалась за то, что она со мной как с маленькой, а теперь только улыбаюсь. Так приятно, когда о тебе заботятся. Жаль, мы не сразу это понимаем. Сердимся на близких, а ведь это просто привычка. Для родителей мы остаемся детьми до самой старости. Интересно, а как это быть родителем? Держать на руках своего малыша?

Невольная мысль приходит так внезапно, что я останавливаюсь, не донеся вилку до рта.

– О чем задумалась? – смеется дядя Миша и ворчит: – Зин, да прекрати ты про эти болячки рассказывать, дай ребенку поесть! Тебе по этому ящику еще не такое расскажут. Садись уже. Чего тебе положить, твой любимый салатик? Курочку?

– Давай салатик.

Мама, довольно улыбаясь, наконец присаживается, позволяя за собой поухаживать. Эти двое смотрят друг на друга с такой нежностью, что у меня колет в носу. Я так рада за маму. Она заслужила быть счастливой.

Какое-то время мы едим, общаемся, делимся новостями.

– Алин, мне тут тетя Катя звонила, сказала, что говорила с... мужчиной, – неожиданно выдает мама.

От неожиданности курица с овощами встает поперек горла, и я принимаюсь кашлять. Дядя Миша участливо наливает мне стакан минералки и протягивает.

– Было дело, – отвечаю, справившись с организмом.

– Сказала, хам какой-то, трубку бросает, – продолжила

осторожно мама.

– Как бы нам с этим хамом познакомиться? Хороший, похоже, человек, – продолжает дядя Миша.

– Как тебе не стыдно! – Мама смотрит на него с укором.

– Не стыдно ни капельки! – бурчит отчим, подливая маме шампанское и вопросительно смотрит на меня.

Я киваю и протягиваю ему свой бокал. И все-таки отвечаю:

– Ну, если вопить в трубку сиреной, то не удивительно, что любой нормальный человек, который имеет хоть капельку самоуважения, ее бросит. Рома вообще подумал, что это какая-то сумасшедшая.

– Его зовут Роман? Хорошее имя. И чем этот Роман занимается? – в маминых глазах сияет любопытство.

– Да... – я теряюсь, не зная, что сказать, но потом нахожусь: – У него свой бизнес. Мы познакомились на конференции.

Подозреваю, что даже не слишком ошиблась в выводах. Если, конечно, мои фантазии о спецагенте вдруг не окажутся правдой.

От подозрений становится немного смешно, еще и пузырьки остро щиплют нос.

– Он хороший человек? Не женатый? – подозрительно глядит на меня мама.

Блин! Следующие вопросы будут вроде: «Когда свадьба?» и «Как назовете детей?», что мне совсем не нравится. Пожа-

луй, стоит съехать с этой ненавистной мне темы.

– Мама, это не важно. Может, мы больше не встретимся вовсе, – произношу твердо и даже немного сухо, недовольно. – Лучше вы мне расскажите, второй этаж тоже доделали? А там будет для меня комната, или мне тут на диванчике постелите? Если честно, я ужасно устала и хочу спать.

Мама напрягается и расстроено поджимает губы. Не сразу переключается на новую тему. Но я действительно не готова сейчас обсуждать свою личную жизнь, которая вроде бы и есть и которой в то же время, возможно, совсем нет. Все слишком зыбко.

Хорошо, в нашей семье вся неделикатность отошла тетя Кате. У нас таких не водится.

– Обижаешь! – подхватывается дядя Миша, отставляя приборы и громко отодвигая стул.

Он готов действовать, чтобы меня точно не поставили в неудобное положение еще одним вопросом. И я не ответила на него столь же категорично, как сейчас перевела тему.

Я тоже поднимаюсь, извиняюще улыбаясь маме. И она отвечает нежной материнской улыбкой. Любимой доченьке все прощается.

Смеюсь. А дядь Миша продолжает:

– Для тебя целая собственная комната есть. Зина уже постелила. Идем скорее. Заодно посмотришь, какой мы там ремонт отгрохали – ди-зай-нер-ский! – нарочно произносит он по слогам.

Комната и правда прекрасна. Мама явно воспользовалась моим советом и активно тренировала насмотренность. Картинка получилась точно из журнала.

— Мамуле теперь запросто можно подрабатывать дизайнером, — хвалю я под звонкий смех отчима.

Все здесь в природных тонах. Белое, бежевое, приглушенно-зеленое. Немного ковки, немного дерева, мягкий текстиль. Милые занавесочки, застеленная по науке кровать. Живая елка в углу мягко мерцает гирляндой. Все то, о чем мама мечтала, когда мы еще ютились в тесной двушке... Набитой доверху родственниками каждое лето.

— Мама, пообещай мне одну вещь? — прошу хрипло, еле справляясь с комом в горле.

— Какую, солнышко?

— Чтобы ноги тети Кати в этой комнате не было. Ни ее, ни ее дочурки. Поклянись!

Поворачиваюсь и строго гляжу в глаза родительницы. А позади одобрительно подмигивает дядя Миша, демонстрируя мне два поднятых вверх больших пальца.

— Но как же? Она ведь...

— Мама! Пообещай! А то... А то я еще целый год не приеду или даже два! — перехожу к угрозам.

— Какая сердитая! Ладно... Я попробую, конечно.

Такой ответ далек от идеала, но хоть что-то.

— Я прослежу. Если надо, навесной замок повешу, — шепчет дядя Миша из коридора.

– Иди ты! – беззлобно огрызается мама, обнимая меня перед сном.

Быстро покончив с водными процедурами, с удовольствием опускаюсь на мягкую постель с хрустящим бельем, которое пахнет лавандой. Похоже, где-то здесь припрятано саше «добрый сон», мама такие штуки обожает. С тех пор, как дядя Миша взял на себя заботу о финансовом благополучии семьи, она занялась уютом, и у нее чудесно получалось.

Уже проваливаясь в дрему, вспоминаю о том, что не поставила мобильный на зарядку. Приходится вставать.

Ложась обратно, привычно проверяю сообщения, и сердце ускоряется, когда вижу непрочитанное от контакта «Принц».

Мы как раз шутили о Золушке, когда я его создавала, вот и записала Рому так. Непривычно, но даже приятно. Выделяется среди «Мария Горгаз» и «Георгий Поставщик», которых у меня полный мессенджер.

Открываю сообщение, в котором всего одно слово:

«Долетела?»

– А где хоть один смайлик? – возмущаюсь я.

Как-то слишком сухо и официально.

Несколько раз пишу ответ и стираю. Определившись со стилем, отправляю ответ:

«Да. А ты?»

Максимально коротко и бесстрастно. Совершенно не соответствующе той гормональной буре, что бушует внутри.

Жду реакции, но телефон молчит. Проходит минута, другая, а я как дура все пялюсь в экран. Ничего. Рассердившись, вырубаю звук и прячу устройство под подушку. Отворачиваюсь.

Сон не идет. Кажется, что внутри завелся таймер, который отсчитывает мгновения до момента, когда я сорвусь и снова проверю, не ответил ли мне Рома.

***

Обновление от 14.12:

Ответ получаю только утром. И он чуть более эмоциональный и подробный:

«Долетел, все хорошо. Была пересадка, мало времени. Как ты? Скучаю».

Но никаких сюси-пуси.

– Похоже, ты привык писать только по делу... – бормочу сонно и потягиваюсь, не выпуская из рук телефон.

Впервые за последнюю неделю мне удастся как следует выспаться. Улыбаясь, принимаюсь сочинять ответ:

«Рада за тебя. У меня все хорошо. На улице холодно, дома тепло. А у тебя?»

Почему-то спросить напрямую, где он сейчас, стесняюсь. Мне это кажется неким посягательством на свободу. Да и хотел бы, еще тогда рассказал. Но ведь не рассказал же.

«А у меня все наоборот», – приходит ответ. – «Дома холодно, на улице жарко!»

И смайлик с высунутым языком! Наконец-то смайлик!

Не удержавшись от хулиганства, набираю:

«Это был намек?»

«Ты о чем?»

Копирую его смайл.

«Я не намекаю, милая Золушка. Предпочитаю действовать ;)»

В лицо бросается краска. Низ живота приятно тянет от воспоминаний о ласках, которым меня подвергли добровольно-принудительно. Ловкий язык, умело порхающий там, где... больше всего хотелось!

– Черт! – ругаюсь, стискивая бедра, а пальцы сами собой проникают в трусики...

Оргазм пронизывает тело мгновенно. Мне многого и не надо, хватило припомнить увиденный под утро сон и пару моментов из наших с Романом приключений.

«Подумай об этом. Я в офф. Без связи до вечера. Не скучай»

И все! Ни поцелуйчика, ни сердечка!

Я и не думала раньше, что такие незначительные вещи имеют для меня значение. И сама не отличалась подобными излишествами. Но сейчас почему-то остро их хотелось. Будто раз позволив себе отступить от собственных правил, навсегда изменилась. Стала более женственной и милой. Дев-

чонкой!

Вздыхаю и принимаюсь одеваться. Пора бы позавтракать или, скорее, уже пообедать. Я умудрилась продрыхнуть до половины второго. Организм взял свое.

На каникулах я позволяю себе расслабиться. Обьедаюсь вкусностями – мама и отчим как будто соревнуются в кулинарном искусстве. О лишних килограммах не переживаю, они сойдут сами при моем темпе работы.

Мы с мамой долго гуляем по заснеженному лесу, начинающемуся сразу за домом. Местные натоптали там троп. А после дядя Миша отогревает нас в бане, ловко охаживая березовыми вениками.

Через день в гости приезжает дядя Антон с семьей, и мы с ним, его старшим сыном и дядей Мишей гоняем на снегоходах. Разве что от зимней рыбалки я отказываюсь, оставив это занятие суровым мужчинам.

Еще день провожу в обществе родителей. Думаю только о приятном: о том, как утру нос шефу, положив заявление на стол, и о новой работе, где мне так все понравилось на первый взгляд. И, конечно же, о Романе.

Мы с ним изредка переписываемся, и я даже почти привыкла к его сухим коротким фразам, которые внезапно перемежаются с острыми намеками, что бы он ни говорил.

С нетерпением жду нашей новой встречи в Москве, и одновременно опасаюсь, что она может стать последней. Как бы хорошо нам не было вместе, но следует определиться, кто

мы друг для друга. В каком я статусе?

Словам мужчины хочу верить, но не верится. Слишком все у нас началось не классически. Я ничего о нем не знаю, он не распространяется. Да и вообще, страхов больше, чем ожиданий.

Стараюсь не думать лишний раз о будущем, наслаждаться отдыхом в приятной компании и днем это даже отлично получается, а ночью... гуляю на морозе столько, чтобы засыпать, как только голова коснется подушки. Решила ведь не портить себе новогодние праздники.

Но всегда есть “но”.

Идиллию портит тетя Катя, заявившаяся накануне Рождества, как всегда без приглашения и вместе с мямлей-мужем и тремя великовозрастными дочурками.

Стоит этой семейке перешагнуть через порог, и разверзнутся врата ада.

– Я бы такую плитку не выбрала. Правда, Семен? Сюда бы подошла с красным оттенком, – практически с порога заявляет незваная гостья.

Дядя привычно бурчит что-то невнятное, вроде как соглашаясь. Мама поджимает губы, проглатывая хамство.

Дядя Миша терпит только ради мамы. Его бы воля, он бы уже смазал им лыжи на выход. Невоспитанные племянницы уже несутся по лестнице на второй этаж, внизу остается только старшая.

Я поднимаюсь и молча иду за ними.

– Я буду спать здесь! – орет Влада, средняя из трех сестер, пока младшая обследует спальню родителей, выдвигая ящики комода.

Ненавижу!

– Не будешь, – заявляю я.

– Это еще почему? – глядит на меня с прищуром это исчадие.

Из всех трех Влада самая противная, вся в тетю Катю.

– Потому что здесь сплю я. Это – моя комната.

– Подумаешь! – Кривит губы сестренка.

– Мама тебе скажет и... – влезает в наш разговор Варя, самая младшая и самая глупая из всех трех.

Я молча закрываю перед ними дверь и приобняв за плечи направляю к лестнице.

– Идите за стол, пожалуйста. Угощение стынет.

Обновление от 15 декабря:

Поесть сестры любят едва ли не больше, чем совать нос в чужие шкафы и дела.

Мы спускаемся, и я едва сдерживаю позыв придать им ускорение традиционным образом. А внизу типичная картина, на которую я насмотрелась еще в детстве.

– Кто же так готовит этот салат? Все знают, что нужно класть докторскую колбасу. Почему здесь нет ни кусочка колбасы? И порезано все слишком крупно. Надо резать по-

мельче! – визгливо возмущается тетя, на тарелке которой лежит целая гора пищи.

Ну да: попробовать надо все. Такой принцип. Только в случае тети Кати он звучит: попробовать надо все и обязательно раскритиковать в пух и прах.

Мама что-то пытается мямлить, беспомощно посматривая на мужа. Дядя Миша изо всех сил старается быть вежливым и не сорваться. Дядя Семен молча уплетает все, что ему положено, не взирая на недостающие ингредиенты и неточность их форм. Вика, самая старшая из дочерей тети Кати, картинно кривит нос, и бормочет, что она на диете, а тут, видите ли нет ничего подходящего, могли бы и позаботиться о любимой родственнице.

Сорвавшись, вскакиваю и кидаю ей на тарелку соленый огурец, а тете подвигаю нож и колбасу.

– Вот. Можете крупное порезать, а недостающее добавить.

Все в ужасе молча смотрят на меня. Дядя Миша одобрительно кряхтит.

– Тебе бы к психологу сходить... – бубнит Вика, а ее сестры хихикают.

Похоже, они недолюбливают старшую сестренку.

И тут тетя Катя решает, что самое время припомнить мне, как грустно они провела эти праздники, мотаясь на перекладных, сколько денег зря потратила и кто в этом виноват.

Я делаю вид, что мне совершенно неинтересны ее вопли, ем спокойно, мамуле подкладываю салатиков, улыбаюсь дя-

де Мише. Почему-то истерики тетки меня совершенно не трогают. Даже когда она срывается на визг, я лишь недоуменно изгибаю бровь.

– Вы совсем одичали в своих странствиях. Предупредили бы, что приедете, я бы вам всем купила в подарок по книге этикета.

Теть Катя задыхается от ярости, но, видимо, в моем взгляде и поведении считывает нечто такое, что затыкается и молча ест салат. Она надута, как жаба, и я понимаю, что рано или поздно сорвется на очередную порцию визга, но лишь хмыкаю про себя.

Не в этот раз, тетя Катя.

Не в этот раз.

Отмечаю и позитивные моменты с другой стороны. Мама под моим суровым взглядом не соглашается уступить гостям свою спальню, и им приходится ютиться всем в одной-единственной гостевой комнате на первом этаже. Дядю Семена сразу же выгоняют на диван в гостиную, но кажется, ему все равно. А, может, он даже этому рад.

Сестры, вынужденные спать на полу на надувном матрасе вдвоем, все время ноют по этому поводу, намекая, что: «У Алинки есть целая комната, и она могла бы...»

– Не могла! – пресекаю любые разговоры на эту тему, из раза в раз подтверждая звание мегеры. – Хотите удобств – шуруйте в гостиницу. А нет – подчиняйтесь правилам этого дома.

Сестрицы в шоке, тетя Катя злится, выговаривает маме, но та пока держится, осаживает младшую. И, кажется, ей все больше это нравится. Может, и во вкус войдет.

Я все больше провожу времени в своей комнате, не в силах выслушивать очередное нытье или откровенные оскорбления. Да-да, Романа мне тоже припомнили в контексте: таскаешься неизвестно где и с кем, пока родственники, понадеявшиеся, преодолевают.

Ради мамы держусь, еще сутки, а потом меняю билеты. Все равно наша семейная идиллия нарушена и весь мир снова вертится вокруг маминой сестры.

Поводом становится момент, когда я обнаруживаю Владу в своей спальне. Она рассматривает подаренную мне Романом подвеску, которую я оставила в коробочке на тумбочке у кровати.

Вместо того, чтобы извиниться, эта хамка ничтоже сумняшеся выдает с ходу:

– Классная подвеска! Подаришь?

– Не подарю! – рывкаю я и выставляю сестричку за дверь.

Та жалуется матери, и тетя Катя принимается клевать мою маму, какую жадную и грубую дочь та вырастила.

Я как раз спускаюсь на кухню, чтобы налить себе воды и слышу их разговор.

– Не вам говорить о жадности. А вашу дочь я бы как следует выпорола. Это надо же только додуматься трогать чужие вещи без спроса! – вмешиваюсь я.

– Раньше тебя это не смущало... – выдает тетя Катя и тут же осекается, осознав, что ляпнула глупость.

– Меня это смущало всегда, – делаю акцент на последнем слове. – А вот вам бы не помешало получше воспитывать своих дочерей. Так и до воровства недалеко.

– Да как ты смеешь?! Зина, уйми свою дочь! Она совсем в этой своей Москве потеряла человечность! – Тетя заводит привычную волынку, добавляя слезу в голос.

Едва сдерживаюсь, чтобы не выплеснуть воду ей прямо в лицо.

Закатываю глаза, цокаю языком и ухожу, не желая расстраивать маму еще сильнее.

День не задался. Роман не писал весь день, теперь еще и это.

Глава 9, А что, если?

– Может останешься? – уговаривает мама, наблюдая, как я собираю чемодан.

– Ни минуты! Я и так слишком долго все это терпела. Или я уеду, или спущу тетю Катю с лестницы уже этим вечером, и меня посадят. Я правда уже не могу терпеть. Даже ради тебя. Придушу ее вот этими руками!

– Алиночка! – ужасается мама.

Я подхожу к ней и беру за плечи:

– Мама, не позволяй ей руководить твоей жизнью! Она твоя и только твоя. Если нужно поругаться, сделай это. Без чувства вины выскажи все, что думаешь, – почти повторяю я слова, сказанные Ромой. – Если она тебя напрягает, просто выстави ее за порог! Это не ее дом, здесь она никто. Вы с дядей Мишей так старались сделать его уютным, а она... Она все портит. Откроет рот и обливает помоями, обесценивает ваш труд. Какая радость от таких гостей?

– Катька неблагодарная... – выдает мама здравую мысль. – Но ты права. Во всем права. Мне пора научиться справляться с ней.

– Именно! Ты не должна из-за нее страдать. Она не та маленькая сестренка из школы, за которой ты должна была следить. Она взрослая женщина со своей семьей. Хватит! Ты ей ничего не должна.

– Не должна, – шепчет мамуля.

– Да. И ты и только ты должна научиться ей отказывать. Но если не справишься... А знаешь... зови на помощь дядь Мишу и давай ему полный карт-бланш. Пусть выгонит их взащей!

– Алина!

Мама шокирована, но я вижу, что мои слова упали на благодатную почву. В этот визит родственничков мы активно все ругались и спорили, и маме это очень не понравилось. Ей проще было уступить, чтобы дома было тихо-мирно.

Но споры многое прояснили. Да и мама будто проснулась после долгой спячки. Стала немного увереннее в себе.

Покидаю родителей утром после завтрака. Тетя Катя какая-то подозрительно притихшая и впервые не устроила за столом ни одного скандала. И даже ее девки присмирели, молча ковыряясь в тарелках. А вот дядя Семен, напротив, как будто воспрял. Общается с дядей Мишей о чем-то тихонько. Он сам по себе неплохой, да только слова поперек своим женщинам сказать не может.

В такси меня сажают всем миром, мама сует пакетик с бутербродами. Поцелуи, объятия. Мама смахивает незаметно слезинку. Все... Я снова уезжаю.

Несмотря ни на что, чувствую себя отдохнувшей и обновленной в какой-то степени. На этот раз вылетаем без задержки, и я прибываю вовремя. Едва выхожу из самолета, как звонит мобильный.

– Алинка, привет! – Раздается в трубке жизнерадостный голос моей лучшей подруги Женьки. – Ты в Москве?

– Можно и так сказать... – бормочу я.

– В каком смысле?

– Да только что прилетела. Еще в аэропорту.

– Отлично! Что делаешь? Надеюсь, у тебя выходные, или как всегда пашешь, бессмертный пони?

Так бы оно и было, если бы не Наталья Валерьевна.

– Нет. На этот раз действительно отдыхаю. Я меняю работу, Жень!

– Не может быть! Ну наконец-то! Надеюсь, тебя не ждет новое рабство? – В голосе подруги звучат одновременно восторг и опасения.

– Кто знает, – отвечаю неопределенно.

– Я же вот что звоню! Давай встретимся, а то лет сто уже не виделись. Или у тебя планы?

В планах у меня было поесть, но лучше где-нибудь в кафе, а не здесь. И я направляюсь к автомату с кофе... Ммм!

– Нет, планов пока нет. Предлагай. Я готова на все! – отвечаю весело, нажимая кнопки.

– Радская! Я тебя не узнаю. Что-то случилось?

– В каком смысле?

– В том, что последний раз я слышала от тебя такой ответ еще в универе.

Мы звонко смеемся.

Действительно. Мы с Женькой были не разлей вода, но

как только закончили учебу стали видаться все реже и реже. У меня работа, у нее тоже работа, семья и развод. В общем, целенаправленно встречались мы раз в год или два. Да изредка переписывались. Поэтому я не стала отказываться, было, чем поделиться с подругой.

– Где встретимся?

– Давай в кафе в центре? Через час. Я уже выезжаю. Планировала прошвырнуться по магазинам.

– Боюсь, за час не доеду. Хочу еще чемодан домой закинуть.

– Ну тогда через два. Или три. Ты звони, как выберешься, только давай все-таки успеешь до вечера, а то я всю премию потрачу, пока буду тебя ждать.

Женька не обманывала. Она была той еще транжирой. Еще когда мы учились, она могла спустить месячный заработок на красивые шмотки, а потом страдала, не желая заниматься на еду.

– Лечу! – обещаю я и вешаю трубку.

Москва встречает меня сугробами и восьмibalльными пробками. Стоит весь центр, а я толком дома не позавтракала, и в аэропорту купила лишь кофе, чтобы не задерживаться. Вот-тут-то и вспомнила про бутерброды с сыром и шпротами. Выглядели они после дороги не слишком презентабельно, но сейчас это лучше, чем ничего. Позволят продержаться до кафе и не тратить лишнее время, перекусывая дома.

Достаю их тихонечко и принимаюсь жевать украдкой, надеясь, что водитель не станет ругаться из-за запаха. Параллельно проверяю телефон. Рома так и не написал.

Дома так хорошо, спокойно и тихо, что на мгновение тянет остаться, но данное подруге обещание не сдержать не могу.

Торопливо принимаю душ, подкрашиваюсь, наряжаюсь посимпатичнее, оцениваю вид в зеркале и понимаю, что после дороги лицо все-таки требует больше косметики. Да и за окном уже темнеет. После шестнадцати в зимний период вполне уместен более яркий макияж.

– Эта мамзель еще, небось, потянет тусить ночью, – приговариваю, делая смоки айс. Не потому, что люблю. Потому что рука дрогнула, а стирать половину макияжа – лишняя трата времени и косметики. – Непривычно, но довольно круто, – оцениваю результат рук своих.

Под смелый макияж и наряд хочется более эффектный. Переодеваюсь в красивое черное платье по фигуре и надеваю купленные под настроение объемные серьги.

В зеркале отражается незнакомка, и я отчего-то ловлю кураж и показываю ей язык. Вызываю такси и спускаюсь разве что не вприпрыжку.

Когда появляюсь перед Женькой та удивленно таращит глаза.

– Обалдеть, Радская! Выглядишь охренительно!

– Спасибо. Специально для тебя старалась. Чтобы ты по-

шла гулять с красивой подругой, а не как обычно.

– Ну, твои синяки под глазами – не самое лучшее украшение, но ты для меня всегда красавица! – растроганно заявляет подруга и обнимает меня так крепко, что косточки хрустят.

– Не так сильно, – хохочу я.

– А то что? Песок посыпется? – не уступает мне она в веселье.

Мы хохочем и прямо на ходу делимся новостями. По магазину, конечно, уже не ходим – пока я ехала и собиралась, Женька обошла все, что хотела. И, что самое удивительное, встретила меня не нагруженная доверху пакетами.

– А где покупки? – спрашиваю между делом.

– А нет их! Я решила поддаться голосу разума и взять ипотеку. Экономлю. Но по магазинам, конечно, хожу. Тренирую силу воли и качаю ноги. Фитнес-фитнес.

– Да ты что!

– Ага! Решила последовать твоему совету и обзавестись жильем до брака. Не хочу повторения.

Женька морщит нос и быстро переводит тему, а я, конечно, не давя на больное. После развода с поганцем-мужем подруге пришлось экстренно снимать жилье и перевозить вещи. Он не пожелал входить в ее положение, а я, к сожалению, была в командировке и не сразу узнала о случившемся.

В уютном кафе мы рассказываем друг другу все. Просто все! И про работу, и про родню, и про какие-то совершенно

глупые мелочи, которые сейчас кажутся очень важными и нужными. И не можем наговориться.

Я молчу лишь об одном – головокружительном небольшом романе с открытым финалом.

То, что Рома не отвечает, страшно угнетает и злит. Расстраивает. Тревожит. Да я буквально с ума схожу! Без конца заглядываю в телефон, проверяю мессенджеры.

Но так не хочется признаваться в совершенной глупости. Я ведь Алина Радская. Снежная Королева. Мисс Непогрешимость. Отличница, умница и красавица.

А с другой стороны кому, как не Женьке, рассказывать о своих провалах тоже?

В очередной раз заглянув в телефон решительно прячу его в сумочку.

– Ждешь сообщение от кого-то? Все хорошо? – интересуется подруга.

– Пришло время коктейлей. Такое под чай не расскажешь, – говорю с улыбкой. Сама же понимаю, что плотину сейчас прорвет. И алкоголь не потребуется.

Женька распахивает глаза, а в процессе моего рассказа роняет челюсть. Показываю кулончик. Не сдержалась, надела его сегодня, но спрятала под платье.

– Охренеть! – выдыхает она, часто хлопая идеально накрашенными ресничками. – Охренеть, Радская! Вот уж, от кого не ожидала. Да ты горячая штучка!

– Сама в шоке, – говорю скромно, про себя же страшно ра-

дуюсь такому комплименту. Когда ты растешь умницей-красавицей, безумно хочется выдать что-то эдакое. Но воспитание не позволяет. А тут... заслужила!

Женька демонстративно заказывает бутылку шампанского и пирожные, на мои деликатные намеки, что ночью сладкое лучше не есть, а алкоголь не мешать, смотрит укоризненно.

– Не будь занудой! Мы отмечаем твое очеловечивание в моих глазах!

Смеюсь.

– Не ехидничай.

– А я не ехидничаю. Честно говорю. Горжусь тобой, подруга!

Во мне действительно включается режим зануды, и про себя начинаю думать, что секс с незнакомцем – такое себе достижение. Но потом вспоминаю Романа, и муки совести уходят на задний план. Я ни о чем не жалею. И не могу назвать наше знакомство ошибкой. Даже если никогда его больше не увижу.

Да, будет больно. Неприятно. Но... переживу. Миллионы женщин переживали и я справлюсь. Мы гнемся, но не ломаемся.

Под шампанское выдаю и проблемную часть истории. Что не все так гладко, телефонами обмениваться мы обменялись, только вот общаться перестали.

– Забавно получается. Пока у вас не было номеров друг

друга, судьба сама вас сталкивала. А как появилась возможность хоть круглосуточно общаться, развела, – замечает Женька и залпом допивает шампанское, тут же подставляя бокал подскочившему официанту.

– Ты давай не налегай, – советую ей.

– Я не налегаю. Я так... залечить раны души моей одинокой.

– Скорее, залить.

– И это тоже. Хочется тоже познакомиться с шикарным мужчиной и ка-а-ак замутить! Чтобы искры летели. Чтобы стены дрожали. Ух!

– Ты хотела сперва ипотеку взять, – напоминаю с улыбкой. Женька страшно смешная, когда воображает.

– А я и не говорила, что собираюсь сразу замуж. Ипотека и роман века вполне могут идти параллельно. Правильно я говорю?

– Правильно.

– Вот и не спорь со мной. А сейчас мы допьем эту бутылочку и поедem в клуб. Там будем танцевать, веселиться и, может быть, с кем-нибудь познакомимся! – заявляет подруга, сверкая глазами.

– У меня есть Рома.

– Рома твой, как этот... как его? – Женька щелкает пальцами, пытаясь вспомнить. – Кот Шредингера, вот! Хотя нет. Скорее, он кот в мешке. Хрен знает, что на самом деле из себя представляет.

Смотрю на этого доморощенного психолога. Вот кому бы говорить, только не ей. Ни одного удачного романа. Впрочем, у меня пока тоже. Мы обе – те еще бестолочи. Только я просто холодная и нелюдимая, когда дело доходит до знакомств, а подруга слишком добрая и доверчивая. Ну и капелюшечку легкомысленная. Временами.

– Рома не такой, Женьк. Он классный. Умный, добрый, обходительный...

– Ага. Женатый, возможно. С тремя детьми. Все они такие... обходительные! – Выплевывает она последнее слово так, будто оно ругательное.

Хлопаю глазами, напоминая себе куклу из детства.

А вдруг она права?

Я ведь ни о чем не спрашивала.

А что, если...

Мне становится нехорошо. Шампанское и еда комком подступают к горлу.

Делаю глубокий вдох. Еще один.

Глотаю холодное шампанское, надеясь, что оно поможет.

В легкие начинает поступать кислород.

– Надеюсь, ты не права, – шепчу едва слышно.

– Что, не приходило в голову?

Мотаю головой. Перед глазами темные пятна.

Что за ужас я сейчас услышала?

Почему мне так страшно?

– Вот и мне не приходило. Ухаживал за мной тут недав-

но один такой. Как обед, он уже под офисом. Ведет меня на бизнес-ланч. Утром заглядывал. Дарил что-нибудь небольшое, но приятное. Записочки даже подсовывал и конверты с письмами передавал через секретаря.

– Романтично!

Я переключаюсь на историю подруги. Выходит, и она не все мне сразу выложила. Тоже должна была “дойти до кондиции”.

– Вот и я так подумала. Уши развесила. Довольная ходила. Еще и гримзы мои офисные завидовали страшно, что, как ты понимаешь, сразу прибавляло ему очков. Мужчина-то красавчик, каких поискать.

– И ты?..

– До секса не дошло. Точнее, почти дошло. Но мы приехали к нему домой, он меня сразу в спальню потащил, а я-то девушка чистоплотная, пошла в ванную.

– А там тьма флаконов? – предполагаю, затаив дыхание.

– Представь себе, нет! Ничего такого, что намекало бы на женское присутствие.

– Подготовился?

– Ага! Только в туалете у него небольшая раковина, а под ней шкафчик с туалетной бумагой, чистящим средством и... прокладками, прикинь!

– Подозрительно.

– Не то слово! Я оттуда сразу на кухню пошла.

– Зачем? – выдыхаю я.

К нам подходит официант и мы ненадолго прерываем разговор, ожидая, пока нам сменят тарелки, приборы и нальют шампанского в бокалы. Но стоит ему удалиться, как мы вновь щебечем, точно две сороки на ветке.

– Ну как, зачем, Алина? Тебя проведет даже ребенок! Не будь такой наивной. Как выглядит кухня в квартире холостяка?

– Ну... По-разному, наверное. Есть мужчины, которые умеют готовить...

– Там или срach лютый или чистота и все разложено по полочкам так, как сделали бы в магазине, имитируя семейный уют.

Я не вижу смысла спорить с уверенной в своей тактике подругой, но та клянется, что живо вычисляет, что на кухне правит женщина. По не до конца отстиранным кухонным полотенцам, спрятанным в один из выдвижных ящиков, по цветочкам на баночках с крупами.

– В общем, я прямо спросила, женат он или нет, а потом и вовсе потребовала показать паспорт. Он его достал и даже сделал вид, что покажет без проблем, но я готова была идти по последнего, и он сознался, что штамп в нем есть! – заканчивает Женька с триумфом. Но глаза ее выдают. Ей горько и больно. Пусть это и произошло несколько месяцев назад.

– С этого и надо было начинать, – вздыхаю я. – И мне тоже. Вот дурочка. А вдруг он и правда женат?

– Значит, козел.

– Мне от этого не легче. Ведь я тоже... не в лучшем свете выгляжу, – договариваю, хотя слова даются непросто.

Мысль, что Рома женат, болью отдается в груди и легкой дурнотой, накотившей внезапно. Так бывает, когда чего-то подспудно боишься. Почему-то все теперь говорит о том, что мысль это запоздалая, но правильная.

Потому он и отвечает так редко.

Скрывается.

Потому и не рассказывал о себе ничего...

И наслаждался проведенным со мной временем так, будто это в последний раз. С чувством, с толком, с расстановкой.

Тело мгновенно реагирует на воспоминания о сногшибательном романе, но я одергиваю себя. Нет уж. Никаких больше слабостей себе не позволю.

Он не пишет, потому что спалился перед женой, не иначе. Может, заблокировал меня? Или она заблокировала?

Какая же я дура!

Хочется уехать домой, забиться под одеяло и прорыдаться. И как ни уговариваю себя, как ни пытаюсь напомнить, что существует презумпция невиновности. Еще не факт, что Роман действительно женат, но внутренне я уже готова смириться с этим и отругать себя сто тысяч миллионов раз. И... отпустить.

Нет, так нет. Значит, не судьба.

В клуб мы все-таки едем.

Не для того, чтобы с кем-то познакомиться. Настроение

не то.

Хочется движения. Танцевать до потери пульса. Подпевать припевы знакомых песен. Пить коктейли, словно нам по восемнадцать, мы сдавшие сессию развеселые студентки и еще не знаем, что такое полноценная взрослая жизнь. А еще избавиться от этого дурацкого чувства легкой дурноты, порожденный страхом потерять.

Потерять того, кого еще не обрела... Глупо? Наверное. Но что уж есть.

Мы с Женькой бронируем столик на втором этаже любимого клуба, обе не были в нем лет так сотню. На поверку внутри многое изменилось. Да что там многое? Абсолютно все! От интерьера, до расположения бара и танцпола. Обновили и зону отдыха, и вместо тихого-уютного диванчика в углу нам достается стол у клетки с гоу-гоу, которая безостановочно танцует и напевает.

– Это не совсем то, что мы хотели, – выговаривает Женька администратору.

Нам обещают посмотреть, что можно сделать, и мы мученически вздыхаем, усаживаясь на наши места. Что-то подсказывает, что вопрос вряд ли решится в нашу пользу. Сегодня здесь довольнолюдно, и хорошо, что есть, где посидеть. Решив не портить себе настроение, заказываем напитки и идем танцевать.

Музыка бьет по нервным окончаниям, заставляя сердце биться в такт. Кажется, что кровь пульсирует в заданном би-

тами рваном ритме. Не могу удержаться и тяну подругу на танцпол. Женька удивленно приподнимает брови, но слушается. Мы танцуем, отдаваясь музыке полностью.

Когда мы в последний раз ходили в клуб? Не помню...

А я ведь обожаю танцевать. Вот так, растворяясь в мелодии, теряясь в пространстве. Как же здорово!

Мелькают стробоскопы, гипнотизируют, завораживают светом. Я закрываю глаза и позволяю телу двигаться так, как ему хочется. Как подсказывают инстинкты.

Мелодия незаметно сменяется. Становится плавной и ласковой, словно руки любовника. Мы с Женькой танцуем самозабвенно и радостно. Слишком давно здесь не были. Слишком давно не отпускали себя на волю. Слишком соскучились по былым дням беззаботной юности...

Танцпол – портал в другой мир. Параллельная вселенная и машина времени. Здесь все подчинено своим правилам.

То ты танцуешь так, будто вокруг никого нет, уходишь в себя, то словно вынырываешь и находишь себе партнера, невольно подхватывая его движения. То вдруг двигаешься со всеми в едином ритме танца, будто сливаясь в единый организм. И остальные тоже чувствуют нечто подобное.

Сегодня на танцполе нас только двое. Я и Женька.

Глава 10. О мурашках и сладостях

Мы с Женькой отжигаем, кайфуем и вовсю наслаждаемся музыкой, растворяемся в ней, выныривая лишь для того, чтобы обменяться довольными улыбками или сходить за очередным глоточком коктейля.

Но тут звучит медленная красивая музыка и танцующие распадаются на парочки или уходят в стороны. Я тоже собираюсь уйти, но вижу, как подруга замороженно смотрит в сторону.

Заинтригованно поворачиваюсь.

К ней идет мужчина. Словно крейсер, рассекающий волны, он проходит сквозь танцующих. В нем столько силы и власти, что парочки будто разлетаются в стороны, чтобы ненароком не помешать ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.